

№3

04|23

литературный журнал

НАТЕ

написали текст

№3

04|23

литературный журнал

НАТЕ

на писали текст

№3 (апрель 2023)

Главный редактор: Мария Тухто
Заместитель главного редактора:
Ада Насуева

Редакционная коллегия:
Юлия Афонина
Ирина Бондырева
Александра Сусллова
Полина Ужгина

Вёрстка: Мария Тухто
Иллюстрации: Алина Кольцова
Портреты авторов: Николь Нисимова
Дизайн обложки: Светлана Подаруева
Иллюстрация на обложке
(«*Конь-огонь*»): Ксения Пройдисвет

Контакты:

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

+7(915)36-88-739

E-mail: nate.lit@mail.ru

Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit

Рукописи не рецензируются.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Написали текст:**Написали о тексте:**

Алевтина БОЯРИНЦЕВА:	
Даша решила (пока) не взрослеть.....	7
Светлана ДЫМШИЦ: Верочка (рассказ).....	11
Анна ИСЕНИНА: Песни любви и веры.....	15
Данила КУДИМОВ: Mea culpa (стихотворная подборка).....	25
Илья СКЛЯРСКИЙ: оранжерея.....	31
новая мораль.....	35
на свист.....	36
Екатерина СОРОКОЛЕТОВА:	
Про Георгия (стихотворение).....	37
Сон после медитативного практикума по ор- фографии и пунктуации (стихотворение).....	40
Елена НЕЩЕРЕТ:	
Крестовый поход крокодильих детей (рецензия).....	41
Александра СУСЛОВА:	
В поисках метафизики (рецензия).....	48

Нашли текст:

М.В. МИХАЙЛОВА: Яркая жизнь.....	56
Мария ТУХТО: Без огранки.....	66
В.В. МИХАЙЛОВ: Жизнь в борьбе (повесть)	
Предисловие.....	70
Глава 1. Раннее детство.....	71
Глава 2. Комета Галлея.....	84
Глава 3. Жизнь за границей.....	99
Глава 4. Левико, Ветриоло и Вранченьо.....	114

ДАША РЕШИЛА (ПОКА) НЕ ВЗРОСЛЕТЬ

Когда мы встретимся с Дашей Дивель¹, мы обязательно подружмся, несмотря на разницу в возрасте (не в мою пользу). Усядемся в кафе или просто на скамейке в парке, и я спрошу ее, кем же она себя все-таки считает: начинающим, взрослеющим или уже вполне взрослым поэтом.

Пока назову ее «решившимся» поэтом: решившимся на поэзию. У Даши есть своя фея — Марина Демчук, руководитель школьного поэтического объединения. Чтобы девочка-Золушка попала на свой литературный бал, фее пришлось немало потрудиться. По неведомой, а с другой стороны, очень понятной причине, Дарья живет в состоянии сомнения: поэт ли я, могу ли я?.. «Если бы не она, то я вряд ли все еще была в стихах», — призналась мне Золушка-поэт в «личке», а я, доверяя, делюсь с читателями.

«Ей всего 18», — так скажешь, если не знаком с ее стихами. Но для поэзии этого достаточно: уже есть немалый эмоциональный, социальный опыт. Дарья пишет с 12-ти лет. С 15-ти она публикуется. Есть даже сборник — «Не в этой реальности»². И в нашей реальности поэту должно быть вполне комфортно. Но, как лермонтовский парус, она ищет чего-то другого. Вернее, постоянно нарывается на что-то другое.

И пишет о странном, некомфортном, диссонирующем:

*Я вроде бы проморгалась,
но страшный мир исчезать
совсем, увы, не спешит.*

(«Диссонанс»)

«Диссонанс» — новое стихотворение, еще не опубликованное. И снова Золушка сомневается: «Не уверена, что аудитории подойдет». Она сама ощущает «неудобность», неловкость строк, потому скорее даже не сомневается в дружелюбности аудитории, а заботится о ее комфорте.

А комфорт — это плед, мячик, не задумывающееся о мире детство. Взросление в Дашиных стихах — страшное перемещение в непонятно страшный мир. Во взрослые не посвящают, не приглашают. Это выглядит так, словно кто-то выталкивает ребенка из детства. И никто не примет человека обратно в дети:

*Когда ты вдруг становишься
взрослым,
Все не становится сразу легче
и проще,
Люди теперь непонятные, злые
и странные,
Какие-то глупые и несуразные.
А какие-то — слишком гуман-
ные.*

(«Когда ты вдруг становишься
взрослым...»)

В этом стихотворении — одном из тех, что посвящены превращению детей во взрослых, — Даша все же поделилась незлым и нестранным вариантом взросления:

*Но бывает и так, что, когда ты
становишься чуточку старше,
Ты забираешь из детства с
собой все самое-самое луч-
шее,
Идешь вперед, детские пе-
сенки напевая, военным уве-
ренным маршем,
И учишься замечать вокруг не
только самое-самое худшее.*

— словно добрая крестная фея волшебной палочкой указала Даше на то «не самое худшее», что есть в нашем взрослом

мире... Эта же фея выделила для меня воображаемым маркером важные слова-маячки: «вдруг», «отчаянно», «не скрыться».

«Вдруг» стать взрослым — тоже волшебство, но неправильное: уснуть в детстве, а проснуться во «взрослости» не всем понравится. Но и «стать», то есть повзрослеть, пройдя путь (или обряд) взросления-вырастания, — тоже испытание. Не всем удастся пройти его с песенкой.

Пока еще не время спрашивать у Даши, что же значит «отчаянно повзрослеть». Может быть, уйти далеко за границы 18-ти (далеко — года на два)? Или взрослеть, сопротивляясь? Или стать «грустным взрослым», с которым, как чувствует поэт Даша, не всем захочется общаться?..

Стать взрослым — не только заболеть грустью,

но и лишиться того плета, под которым можно было спрятаться:

*И не скрыться порой от всего
этого ужаса на бескрайней
планете*

Но все же Дарья пытается взрослость немного оправдать — присматриваясь к своим взрослым друзьям:

*Всех друзей моих — не перечить до заката,
Про каждого рассказать — велика загвоздка.
Но я с каждым из них познакомиться снова была бы рада.
И не важно, что каждый из них — «скучный и нудный взрослый».
(«Моя подруга тушила пальцами спички...»)*

...и прислушиваясь к «абсолютно новой себе»:

*Теперь, повзрослев, ты поймешь все прелести жить одному, в достатке,
В поисках того самого, единственного человека.
(«Когда ты вдруг становишься взрослым...»)*

Что же слышу я, не-
поправимо взрослая, в
поэзии юной Даши? Ка-
призный голосок Али-
сы, оказавшейся в Стра-
не Чудес. Печальный
вдох гадкого утенка,
еще не ставшего лебе-
дем. Песенки Офелии,
бесконечно грустные, но
без слез. «Мимолетно-
сти» Сергея Прокофьева
— хрупкие и колкие. Назо-
ву это лирикой взрослею-
щей Даши. И вряд ли она
когда-нибудь станет на-
стоящей взрослой, скуч-
ной, грустной и нудной.

Алевтина Бояринцева
*литературный и музыкальный
критик, журналист, педагог*

10

Примечания:

1. Дарья (Даша) Дивель — поэт. Студентка Пермского краевого колледжа искусств и культуры. Публикуется в литературном журнале «ЛИФФТ» (Свердловская область) и других региональных изданиях.
2. О сборнике см., например, здесь: Знакомьтесь: новое имя | Блоги | СеровГлобус.ru (serovglobus.ru) (дата обращения: 08.04.2023).

ВЕРОЧКА

Светлана Дымшиц
книжный блогер

Впервые Вера испытала за себя гордость в восьмом классе, на уроке геометрии.

— Ты девочка некрасивая, Верочка, — говаривала мама.

Мамин взгляд критически ощупывал Верочку: проходился по жиденьким серым волосам, цеплялся за «фамильный, породистый» нос, ставил точку на коротких, тоже фамильных, кстати, ногах. Вера часто ловила на себе этот как будто разочарованный самим фактом её существования взгляд.

— Таким, как ты, учиться надо, иначе дорогу в жизни не пробить. И спину выпрями, вытяни шею, а то горб вырастет.

Вера оборачивалась проверить, не вырос ли горб, и послушно училась. Старалась приносить из школы пятерки, которые принимались родителями как должное. Иногда они даже сомневались в профпригодности учителей, давших настолько простые задания.

— Четвёрка — это вежливая тройка, — любил повторять папа.

Тройки, чаще всего полученные по невнимательности, пробуждали в родителях спящих полицейских и провоцировали комплекс следственных мероприятий. Как так вышло, что дочь совсем не уделяет время учёбе? Наверняка на уроках сидит и болтает с подружками или того хуже, думает о мальчиках.

О мальчиках думать было страшнее всего. Мальчики — беременность — работа дворником. Печальный маршрут, по которому пойдут девочки, не уделяющие время учёбе, Верочке был давно известен. Ни беременеть, ни работать дворником Вера не хотела. Поэтому о мальчиках не думала. Впрочем, и они о ней тоже.

В новом учебном году Верочку перевели из её родного, не хватавшего с неба звёзд «Г» в «А» класс. Мама давно хотела, чтобы Верочка, гордость своего класса, самая прилежная и тихая ученица, присоединилась к отличникам из «А».

Дело было в ноябре. Верочка хорошо помнила, как на геометрии началась новая тема — подобие треугольников. Точные науки всегда давались Верочке легче гуманитарных. Больше всего ей нравилось

упрощать выражения и наблюдать, как монструозно выпирающее трёхэтажное нечто превращалось в простое число.

На уроках учительница свирепствовала. Плавали все, включая отличниц Светку и Юлю (Вера всё никак не могла привыкнуть, что в «А» объектом насмешек становились не отличницы, а середнячки).

Однажды на уроке досталось и Вере. Юлия Борисовна, больше известная как Грымза, вызвала Веру отвечать, но застенчивая девочка под взглядами одноклассников не смогла выдавить из себя ни слова.

— Так и будешь молчать? Ладно, садись, я с неодушевленными предметами не разговариваю, — отчеканила Грымза.

Верочка опустила за парту под тихие смешки одноклассников.

Через неделю должна была состояться контрольная по несносным подобиям. Верочка не хотела опять оказаться недостойной новых одноклассников. Она решила во что бы то ни стало доказать себе, Грымзе и этим самоуверенным А-шкам, что не зря оказалась среди них. Верочка засела за учебники и с выдержкой самурая занималась усердно, день за днём. Решала задачу за задачей, пока глаза не начинали слипаться, а голова не становилась поролоновой.

С поролоновой головой, не помня себя, Верочка и писала контрольную. Она не понимала, чего ей хотелось больше — не быть душой перед мамой, Грымзой и новыми задаваками-одноклассниками или доказать себе, что её «вежливые тройки» чего-то стоят.

Когда через пару дней учительница объявляла оценки, притихли все.

— Это мрак, ребята, вам всем место в «Г» классе, если не в «Д»! — строго отчеканила Грымза. — почти у всех двойки.

Руки Верочки похолодели. Значит, у неё в очередной раз не получилось.

— Тройки у Светы Лурдиной и Юли Митрохиной. Дожили, единственная четвёрка в классе, и знаете, у кого? У новенькой! Вера, молодец, и не скажешь, что семь лет в «Г» училась!

Уткнувшись в тетрадь Вера ощутила на себе взгляды одноклассников. Выпрямила спину. Дома захлёб рассказала маме, как старалась, учила теоремы и стала лучшей в классе.

— Молодец! — сказала мама, — Но всё-таки, почему не пять?..

ПЕСНИ ЛЮБВИ И ВЕРЫ

15

Анна Исенина

магистрант

филологического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова

Я ПОНЯТЬ НЕ ХОТЕЛ...

«Я люблю тебя больше, чем Море, и Небо, и Пение...»

Константин Бальмонт

Я понять не хотел, что возможно любить человека
больше пения моря, качания слов и лучей,
древних гор постоянной и солнечных бурь горячей, —
я понять не хотел, что возможно любить человека.

Вспоминал я об этом, раскрывши страницы повторно
через год или два, и мой шёпот собой был смущён:
«В каждом слове тобой, в каждом облике мира прельщён», —
вспоминал я об этом, раскрывши страницы повторно.

Я был сам центром счастья — тягучего счастья, густого,
ты была звоном корды, связавшей вдруг небо с землёй;
не суровым Аидом, но нежным Орфеем с тобой
я был сам, — центром счастья, тягучего счастья, густого.

Даже музы дивились: не смерть, но сердечное рвеньё
возникало оттуда, где Нечто важнее стихов;
повторяя тебя, слог был юн, и неистов, и нов, —
даже музы дивились: не смерть, но сердечное рвеньё!..

16

Целый мир развернулся, не скованный точностью формы,
морем свет становился, а лист — золотою звездой;
да, понять невозможно — но можно почувствовать: Пой! —
целый мир развернулся, не скованный точностью формы!

AURA ANIMAE

Послушай, день
и ночь меня накрыли
волной, поднявшейся
из нежности души,
и тихо тень
мне в сердце уронили
твою: «Дыши!»

И мир расцвёл,
сияли росы
как брызги звёзд... —
а воздух шёл
из недр любви к утёсу
груди, и рост

дыханья был
стремителен и чуток,
он плыл
от незаметных незабудок
до крыл

небесных лепестков
на розе синей —
до облаков —
вдоль златоствольных пиний...

Они —
вот эти пинии на взморье
моей души —

и держат дни
вершинами убора,

шепча: «Дыши!».

КАСАНИЕ

...Касание нечеловеческих пространств...
Прорыв сквозь них — к немислимым истокам:
в безмерной нежности — отколь излиться столько?
кто смог принять священный ток тот весь? —
превосходя себя, восходишь вдруг до Бога,
и сын Земли есть также сын Небес.

Касание: Тобой — в Тебе — Тебя — с Тобою!..
Нечеловечески безумнейший полёт:
кто больше слёз в накале чувств прольёт,
чем плачущий — в блаженстве упоенья?..
Твоё крыло сквозь пламяшторм ведёт,
и в человеке Свет находит выраженьё.

Касание пространств — всем телом человеческим:
вот резонатор чувств, и света, и тепла!
Я в человеке Твой Великий Час нашла,
Вершину бдения — как он стоит нездешне!
и как не внять ему? — и сражена была
нечеловеческой душой: Твоим посланцем вещим.

САМОЙ КРОТКОЙ ВО ВСЁМ...

«...Дан расщеп этой оси: растущее противоречие...»

Андрей Белый

Самой кроткой во всём — но и самой во всём непокорной, —
Серой птахой лесною и солнечной птицей степей, —
Пеликаном морей — но и вороном светлых нагорий, —
Становлюсь полноценной по тихой заботе твоей.

Самой кроткой во всём: прозвучавшей меж пальцев струною.
Непокорною самой: натянутой прямо струной.
Извлекаешь всю гамму. Далёкий, ты близко со мною —
Самый близкий в пространстве, расщеплен по срокам со мной.

19

ДВА ПРИСУТСТВИЯ В МИРЕ...

Два присутствия в Мире, две птицы на Древе поющем,
Два прозрения в Вечность, чей взгляд навсегда стал един, —
Или два отдаленья, разрыв, неизбежность двух грозных лавин,
Чтоб распасться на атомы в битве едва только встретившись —
тут же?

Два присутствия в Мире. Два фокуса — центр событий.
Два потока крылатых, в полёте явившие клин. —
Но и разности также: пусть в землю единостью влиты,
Да расходятся позже два пика у горных вершин!..

ПУСТЬ

...Я сказала: Та, которую ты любишь,
Погрузится пусть в поющий твой Исток, —
Как бы ни был он вневременно далёк,
Приобщится пусть и в сердце Бога встретит.

Я сказала: Та, которая с тобою
В первом утре пламенном и в ночи всех ночей,
Пусть горит тобой всех звёзд прегорячей,
Пусть расплавится, как воск на сердце Божьем.

Я не знала: Та, которую ты выбрал
Вечной спутницей, — в чём суть её черты,
Слитны ли у неё два слова — «ты» и «Ты», —
Испытали ли друг друга вы как боги...

И в ночи я выпила вина,
И уснула я — дрема́ была темна,
А слова мои — как очи Бога строги.

И с зарёй очнулась ото сна,
Вечным пламенем от искры зажжена,
Расплавляясь в нём не только духом: кожей.

И сквозь дни, излученным полна,
В Чаше чаш была поднесена
На Пиру таком, где сердце сердцу светит...

...Я не знала: Той, которую ты любишь
Сей удел желав, себе желала я.
Но, сказав, исполнила себя
Смыслом Вечности — а стало быть, Любовью.

ТЫ ВПИСАН В МОЙ ПЕЙЗАЖ...

Ты вписан в мой пейзаж. Ловлю твой взгляд в пространстве.
Он, Солнцем схваченный, к земле свой тянет луч.
И сердце пенится, как море в чутком трансе.

Волна к волне, поток молитв текуч.
Сквозь глубь веков способно эхо вняться.
Так отблеск слов твоих взвивается до туч.

Последний луч — весь мир в его убранстве.
Звезда падучая! Как ты в заботе жгуч!..
На небе вспыхнувши, сумел к земле прокрасться.

Ты вписан в мой пейзаж — затем, что весь певуч.

21

АНГЕЛ КРЫЛЬЯ ЧЕРВЛЁНЫ

Ангел Крылья Червлёны возносит молитвы Солнцу.
Ангел Золото Светло небесный слагает гимн.
Колесо в колесе — что топаз на зенит несётся:
Светоч Правды всеокий с сердечных взошёл глубин.

Ангел Крылья Червлёны всё движет своим законом:
По любви распускается Древа Господня Дух —
Ангел Золото Светло его осиял влюблённо,
Ангел Синь на Весне обручился, мелодию вплетши в слух.

Ангел Крылья Червлёны исполнил весь мир томленьем —
Это взгляд краснозёмный, мой Колос, душой обратил алтарь.
Ангел Золото Светло его утвердил священно —
Это ты отливаешь мне душу, мой солнечный, мой златарь.

УВЕДИ

...Уведи же её в гинекей —
в близость духа из плоти и крови
своего... У её изголовья
преклонись и дыханьем овей.
Расцвети её: жизнь её тела
лишь овеейна той полнотой,
что ты мог предложить... Как и той,
что в тебе всем предчувствием зрела...

В близость счастья и в близость судьбы —
замани... Подхвати её взглядом —
невесомо парящим, крылатым, —
навсегда в ней восторг углуби.
Разбросай в ней себя, растеряйся,
расточи свой покой, растопи, —
или так: в сопричастии ей искупи
воздержания грех, воспокайся.

Будь ведом. Будь обманут. Повольно
ты охвачен искусной игрой —
но уже нарастает прибой
двух дыханий... И вот, бесконтрольно, —
увенчай её возгласом веры,
распали в ней богиню зари:
это Утро всех дней. Вы цари —
или боги нахлынувшей Эры.

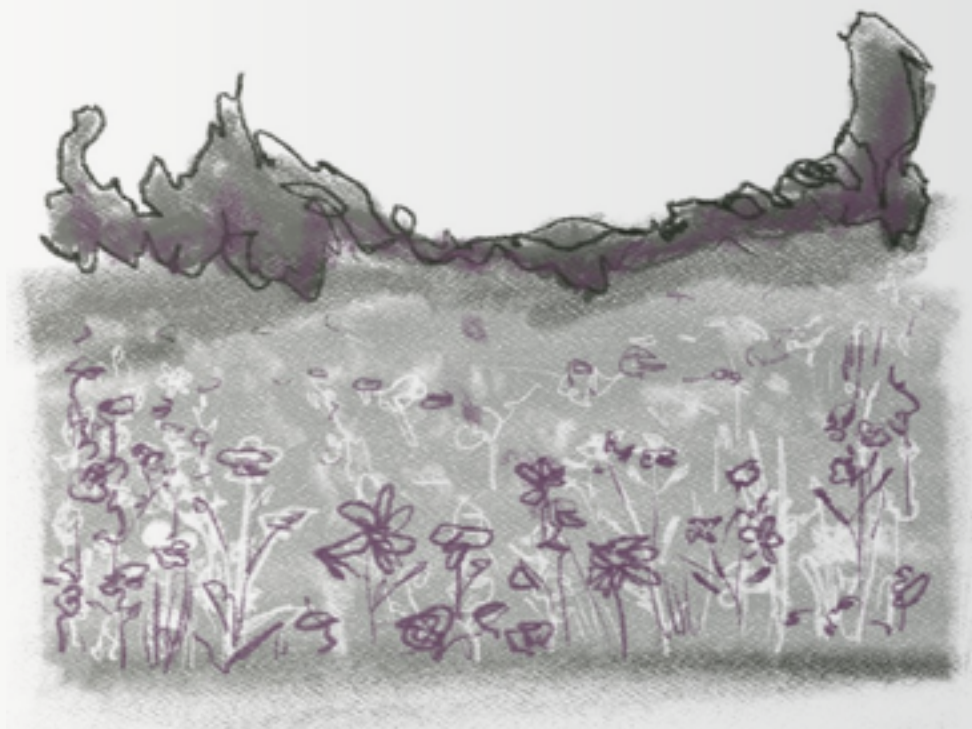
MAGISTERIUM

*«Любовь — это каждодневный труд,
это постоянное усилие заботы по раскрытию мира:
кто любит, тот весь мир
превратит в цветы для любимого».*
Е. Ф.

Претворить весь мир в весенний сад цветущий;
Вечно бодрствуя, трудиться на земле;
Стать землёю всей, водой, дыханьем, сущим;
Лучший взгляд раскрыть, качаясь на стебле... —

Всё в цветах кругом! Объять любовь цветами,
Чтобы впредь не дать сойти в небытие!
Взять улыбку хоть. Хранить её веками... —
Сделать Раем мир, доверив царство — Ей.

23

МОЛИТВА КО ДРЕВУ

..Ты дерево, а я — цветок у корня.
Твой срок вневременен, а мой идёт на дни.
Ты память этих дней под сводом сохрани
И ту любовь, что я посею в дёрне.

Я вышел из земли — я стану вновь землёю,
Устлав собой дарящий жизнь покров.
Сок дней моих в Твою вплеснётся кровь,
Чтоб я воскрес в Тебе и стал листвою живою.

С восторгом зелени я вброшусь в каждый лист,
Сорвусь в полёт — и вновь сольюсь с Тобою.
Мы суть Одно. Я корни стоп омою
Росой накопленной — и будет день наш чист.

И вечер благостен. Я сплю у ног Владыки,
А звёзды молятся, целуя светом Лик.
О Пламя пламени, вся Вечность в этот миг,
Тобой исполнившись, горит в победном крике!..

MEA CULPA

и
вечерами, когда вновь
в зелёной грусти твоей таял,
стоял со мной
сестринский ангел.
и молчал.

и
ночи тёмный воздух дикой стаей.
я, как бедняк, среди блесков звёздных.
я грусть смею твоей слезой,
и кажется, что кто-то вдаль
зовёт.

стоит стоглавый, как янтарь,
качает и свистит.

и
в этот миг я понимаю,
что жизнь — мгновение.
душа.

и
в этот миг я понимаю,
что грусть и боль —
лишь ими грудь полна.

но в сердце есть ещё любовь,
она не даст уныньям власти.
как пальцы звёзд —

вся в темноте.
а я в молитве.
безучастен.

Данила Кудимов

*студент филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Звёзды небесные, что ж, вы,
Светите так, будто.

кто теперь будет?
кто растирать землю?
если и вы, дети вьюги?
веру.

я, как и вы, не сумею,
только ведь я буду долго.
так же, как вы, буду волей,
в поле, в лесу и в дороге.

звёзды, вам надо бы,
а не с земли быстро падать.
я же не Бог и не Ангел,
мне бы не знать, что вы
вазы.

сколько их так же?
в поле
на перепутье дорог, на обочине.
некому их пожалеть, некем —
все в темноте, все в тоске.
время.

ну же, вернитесь (в) родные.
вы возвратите(сь), прошу,
ясный.
звёзды небесные — милые, верные,
вы оробели от
бега.

звёзд не видать, только ветер,
стылое небо залито,
и на земле, где трава,
сырость.

звёздный осколок, ты в сердце,
звёздное небо, ты в чём-то.
что же ты в ночь умираешь?
небо ночное,
ветер.

Время осеннее — это.
Время ночное, тебе не.

Mea culpa.

Всех обмануть
желая, стать, как все,
я лишь заметил:
стриж гнездиться любит
в прозрачногорной вышине.

!~~!
~!~!!!
!!~!~
!-!-!
~~~!~~~!

И стриж всегда гнезвился
в положенном месте,
истекая кровью,
выдавая ночь за день,
яблоко за червяка,
а чёрта — за тумбочку.

***

«И было бы лучше, если бы я продолжал писать маслом».
Я вновь пытался спросить внутри запертой в кирпич улицы
— как нужно жить.
Так я учился петь хвалу юным людям, прищурив глазки:
«Я лишь пятно, замкнутое в овальном циферблате стола
само на себя».
Мне пора.

«Именно с тобой выпивка не является грехом».
Три стопки без украшений поднимают с табуретом стол.
Мы вокруг кольцом:
Ведь за столом я научился различать цвета всех городов.

29

«Это с тобой не грех выпить».
С тобой, да...
Молодые верят в эти сказки:
Жизнь — всего лишь муха, беспорядочно машущая окном.
«И ты заставляешь меня верить в эту чепуху?»

Это с тобой...
«С Вами не грех выпить».
И я помню, как тесно было в квартире, когда она
сказала: «Ну, давай».
И я не знал, что хочу напиться.
(Я хотел с тех пор, как мне исполнилось четыре).
И я не знал, что хочу любви.

Но я научился пить.
Почитайте вместе книгу
«Как любить свои стихи».
Я сказал, что жизнь — просто совпадение:
«Жизнь — просто совпадение».
Ты сказала:
«Что ж, потуши».

Илья Склярский
*студент ЛИ им. Горького,
основатель клуба молодых
авторов «ЛитРЕформа»*

оранжерея

31

Внимание поезд приближается к станции ПРОСЬБА убедительного характера поберегите постерегите постригите свои головы.

Репродуктор говорил в маленьком кабинете А.П. Голованова ответственного за проведение стеклоочистительных работ в юго-восточном отделении главной оранжереи и никакой поезд туда не приближался и не приходил и вообще из слов репродукторной женщины нельзя было разобрать ничего кроме внимание поезд приближается к станции ПРОСЬБА фрфрврфрврфртртртртртртртртртртртртрфрврврврврвр и ничего не было понятно какие дальше идут слова А.П. Голованов слушал это каждый день и так и не мог понять какие там слова поэтому он придумал свои слова чтобы наконец-то успокоиться и у него получилось даже весьма забавно.

Репродуктор А.П. Голованову повесили просто пришли и сказали мы вам сейчас установим репродуктор он будет говорить важные слова два раза в день и иногда больше чтобы вы не забывали о них это повысит осмысленность вашей работы установит понимание за чем вы занимаетесь всем этим такие же репродукторы сказали поставили во все кабинеты и везде говорится приблизительно одно и то же возможно отличается одно-два слова что в общем-то правильно.

Друг А.П. Голованова приходил к нему на работу чтобы кинуться словом приятно убить время и иногда он слышал как говорит репродуктор тогда озадачивался через несколько раз он сказал а друга А.П. Голованов называл просто Паша хотя Паше было много лет и он имел большой статус значит вот Паша в очередной раз услышал как говорит репродуктор и тогда сказал знаешь я понял что эти важные слова репродуктора они имеют в виду смерть что она приближается точнее нет приближается поезд и он синонимичен жизни а станция синонимична смерти к которой приближается жизнь и тебе нужно это постоянно слышать чтобы понимать что жизнь приближается к смерти и вот твоя работа состоит в том что ты делаешь так чтобы люди удобно смотрели на цветы которые растут в ОРАНЖЕРЕЕ и цветок это тоже такая субстанция которая скоротечна которая являет собой смерть настигающую жизнь в его приоткрытом бутоне угадывается её пасть то есть пасть смерти и люди смотрят через стекло и стекло должно быть чистым и не иметь пятен чтобы люди могли точно в подробностях увидеть пасть смерти заглянуть в неё и пересчитать лепестки-зубы и осознать что скоро она их пожрёт.

Из этого всего мы можем понять что Паше действительно было много лет и поэтому он везде видел разговоры о приближении смерти к жизни или жизни к смерти.

А.П. Голованов на это заметил что репродуктор также говорит ПРОСЬБА а потом говорит фрфрвр-фрврфртртртртртртрфрврврврвр и что Паша очень хорошо устроился чтобы во всём видеть смерть и что цветок для А.П. Голованова всегда означал жизнь буйствующую и трепещущую а Паша отвечал да он означает жизнь но ты же понимаешь что жизнь означает смерть да Паша ты знаешь у тебя всё означает смерть да друг у меня всё означает смерть это не потому что мне много лет а потому что это действительно так и смерть это значение и суть которая сообщается любым предметом и тебе сюда репродуктор повесили специально чтобы ты это понимал и ты вот слушаешь два раза в день а иногда и больше раз и всё равно не можешь понять даже я к тебе пришёл и объяснил и ты всё равно не понимаешь ты работаешь в ОРАНЖЕРЕЕ тут растут ЦВЕТЫ они вянут и умирают ты видишь постоянно что вянут-умирают вянут-умирают Паша Паша а как же ПРОСЬБА ну так ПРОСЬБА значит быть готовым а быть готовым значит помнить и серьёзно относиться а как же тогда фрфрврфрврфртртртртртртрфрврврврвр а фрфрврфрврфртртртртртртрфрврврврвр это загробные звуки могилы которые слышат мертвецы мне всегда представлялось что это примерно так.

А.П. Голованов тогда выгнал Пашу из кабинета и стал заполнять отчёты о том когда почистили какое стекло и какие-то ещё значения туда вносил и думал о том что стёкла рассыпаются бумага рассыпается чернила рассыпаются ручка рассыпается пальцы его которые эту ручку держат тоже рассыпаются и стол и стул и кабинет и репродуктор и Паша рассыпается и рассыпался может быть как только за дверью оказался и она сама затем рассыпалась.

Ну в общем такие мысли посетили его скажем так какие-то бессмысленные совершенно непонятно как к делу применяемые и были они в его ушах как фоновые шумы пустые так что слышал он только как сыпется что-то и заполнял отчёты и вспоминал разные предметы которые попадались ему под руку и про каждый думал что он тоже рассыпается.

Тогда А.П. Голованов встал и вышел из кабинета пошёл в оранжерею и увидел там цветы красные оранжевые и разные другие и посмотрел в каждую пасть смерти и никаких пастей не увидел не понял совсем как же увидеть пасти наверное плохо работал А.П. Голованов и на стёклах было слишком много пятен за которыми пасти как раз скрывались тогда он вернулся в кабинет и посидел немного и услышал внимание поезд приближается к станции ПРОСЬБА убедительного характера поберегите постерегите постригите свои головы и подумал да.

новая мораль

На голых стенах жёлтые точки пупырышки солнечные как оспа

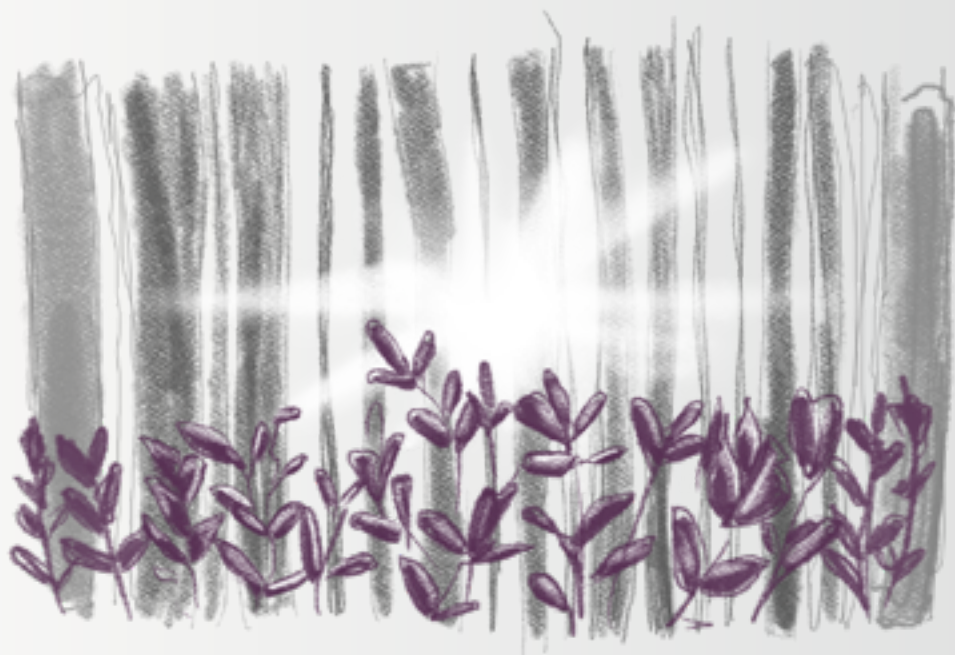
Зачем ворочаешься каждую ночь ты просто хочешь стать оболочкой

Огромный улей и каждый шаг твой на благо улья и каждый вдох ты посвящаешь родному дому что так удобно в тебе самом теперь поселится ты отныне не будешь жалок и одинок

Ты с детства знаешь что всё что можно рукой настойчивой ухватить есть только пыль пред лицом богатства надёжно спрятанного внутри

И царь эдип андалузский пёс твой далёкий предок отец всего учил что не нужно глаз чтобы видеть ушей чтоб слышать и рта чтоб слово с него слетало ведь это всё несёт снаружи вовнутрь зло

Так отдай нам плоть воцарись слепец поднимись над миром замкнись в себе новый дом для нас для тебя для всех только жёлтые точки на голых стенах

НА СВИСТ

Так много моли в старом пиджаке так много старых пиджаков на мне и я иду раскинув руки и в рукава влетают всяки штуки как птицы галки и сороки мне кажется я мальчик в водостоке застрявший книзу головой скажите мне кто я такой

Текст самоидентификация я это я сдавайся расселся там и думает что может меня сроднить с любой трагичной рожей портреты галерея кресла смотрите я висю всем очень интересно

На липкой обуви следы мы перешли с тобой на ты а я уже седой как дым как паутина как полынь заполнил лёгкие дышу на свой же отзываюсь шум обратный перевод вульгаты всевышний компас-пеленгатор струёю из сонорных звуков себе себя как центрифуга передаёт пустотный писк он парадиз он конформизм

И нет пути наоборот и солнце не меняет ход стоит прибито будто нимб и мы пожалуй постоим

Екатерина Сороколетова

*студентка факультета
филологии и журналистики АГУ*

37

ПРО ГЕОРГИЯ

Мне говорили, что Москва — быстрый город.
Какой, к чёрту, быстрый!?
Вы Москву-то видели?
Я видела.
Целых четыре часа между поездами!
Всё, что надо было, увидела.

Москва — коробка с игрушками
Огромного олигофрена Жорки.
Жорке уже лет сорок.
Жорке бы на заводе металл гнуть.
Жорке бабу бы, он бы бабу вы...
(Улыбается, прихрюкивает)

А он вот. Сидит, слюни пускает
Да с домиками играет.
Выкладывает рядами кирпичи хрущёвок,
А стоймя поставит — вот тебе и многоэтажка.
(Смеётся, в ладоши хлопает)
Чего смеёшься?
Кто вчера Казанский собор мусолил?
Это Храм Божий, а не пряник!

Вот. И все игрушки у него огромные,
Чтоб ненароком в нос не сунул,
Или не проглотил,
За ним не убудет.
Поэтому какой, к чёрту, быстрый город?!
Город-то медленный, как сам Жорка.
А люди так... вошки.
Вот и бегают-прыгают по Жоркиным игрушкам,
Копшатся под большой красной башней с часами,
Любуются огромной недолепленной глиной №4.
(Врач сказал: «Лепка развивает моторику».
Жорка сказал: «Кака!»),
Шлёпнул комки глины на Болотную
И улыбнулся. По-своему.
По-идиотски)

Из мелкого у Жорки есть берёзки в Зарядье.
Мама, ИО мэра этого неуклюжего города,
(Сухонькая старушка лет шестидесяти...
И как у неё сил хватает с этим амбалом...
Всю жизнь его на себе тащит...)
Мама накрутила деревца
из алюминиевой проволоки 0,7 мм,
Каждую веточку кисточкой обмазала ПВА
И насыпала крошева из листьев.
На каждой берёзке номерочек.
1, 2, 3, ..., 137, 138.
С ума сойти. 138!
Сначала боялась, что Жорка их поломает,
Но ему понравились.
Он с ними бережно.
Возьмёт одну,
глаза скосит,
И аккуратненько обратно поставит.
Есть всё-таки в нём чувство прекрасного.
Вот.

СОН ПОСЛЕ МЕДИТАТИВНОГО ПРАКТИКУМА ПО ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ

Что же мне снилось?
По полотну свежихрусткого сладкого снега
Или листу А4 плотностью ноль грамм на метр
Были рассыпаны чёрные запятые.
Что это за запятые?
То ли от тлеющих изб золинки...
То ли толчёный графит...
Нет. Это мёртвые пчёлы.
Пушистые трупики препинания.
Бэ один? Ранен. Би два? Убит.
Единородные сёстры и однородные братья,
соединённые союзами и осложнённые
причастными и нечастными,
сложно- и просто подчиненные.
К чему теперь рыданья...
Жалили ли? Сжалились ли?
Б-г рассудит.
Раз
Раз
Раз
Рассудок меркнет со знанием дела.
Дела номер чёрт знает какого
по иску искусственно созданного сознания.
Будет будильник быть или небытие
побудительно, длительно и бестельно?
Вот в чём спрос.

P. S. Полосатое брюшко медоносной пунктограммы ещё пахнет книжной пылью розенталевской кустовой грамматики тысяча девятьсот пятьдесят високосного года.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КРОКОДИЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

Мукасонга С. Богоматерь Нильская / С. Мукасонга — М.: Эксмо, 2012

Когда в детсадовской песочнице разгорается драка лопатками, воспитатели спешат разнимать детей с одним вопросом: «Кто первый начал?». Этот вопрос — наша (представителей земной цивилизации) главная ошибка. Неважно, кто первый начал. Важно, попытался ли хоть кто-нибудь закончить.

Поэтому книга Схоластик Мукасонги «Богоматерь Нильская» и выходит за пределы памяти об одном горе, выходит на общечеловеческий уровень и читается через одиннадцать лет после публикации так хорошо — из-за звучащего лейтмотивом, буквально проступающего поверх вопроса «Когда же это прекратится?». Интересно, что описываемые события — не кульминация конфликта. Сейчас, через полвека, мы с ужасом понимаем, что это

Елена Нещерет

*литературный критик,
книготорговец*

были ещё цветочки: до того, что позже назовут геноцидом в Руанде, оставалось целых двадцать лет. Агата Увилингийimana, которая через восемнадцать лет после событий «Богоматери» станет министром и отменит этнические квоты для тутси, — как раз ровесница

героинь, девочек-тутси Вероники и Виржинии. Реальная Агата тоже попала в школу по той самой описанной в романе квоте для «тараканов-иньензи». Агату зверски убьют в 1994 году, в то время как события книги заканчиваются в 1973 году: именно тогда случился военный переворот, после которого ненадолго утихла первая волна погромов и как будто бы стало немного легче. Ох уж это «легче»! Читай — «нас не убьют прямо сейчас».

Но обо всём по порядку. Что происходит?

Беженка из Руанды, ныне известная французская писательница Схоластик Мукасонга пишет роман буквально о своей юности. Её судьба повторяет судьбу сотен тысяч тутси, сбежавших из страны до страшного апреля 1994 года: вырасти в резервации, поступить по квоте, во время очередного прилива ненависти

быть изгнанной из школы, эмигрировать, скитаться, с трудом становясь на ноги — типичная юность «расово неправильной» руандийки. Лицея Богоматери Нильской в горах недалеко от Кигали не существовало, зато до сих пор стоит и принимает учеников столичный лицей Нотр-Дам-де-Сите, в котором, как и в любой более обычной руандийской школе, должно было быть не больше десяти процентов тутси. Было откуда списывать и колониальный образовательный процесс, и галерею характеров девочек, которым предстояло стать женской элитой страны (если происхождение «правильное») или заниматься чёрной работой, дрожа в ожидании очередного погрома.

Но вернёмся к литературе. «Богоматерь Нильская» — роман о закрытой школе, которая прекрасно служит уменьшенной моделью общества.

Запертые в элитном пансионе на недостижимой горной вершине, девочки-ученицы отнюдь не оторваны от мира. И домашний уклад, и память о расстановке сил там, внизу они отнюдь не оставляют за порогом. Им запрещают говорить на любом языке, кроме французского — отлично, многие не говорят. Но каждая носит по два имени: официальное крестильное и тайное домашнее. Как одни имена прикрыты другими, так и одно прошлое проступает сквозь другое: разделение на уроках («история — про Европу, география — про Африку»), потому что до прихода белых никакой истории у дикарей не существовало, да и сейчас есть только открытые колонистами реки и хребты. Вне уроков в дальнем пыльном углу библиотеки под кучейхлама находятся старые фотографии с открытия статуи Богоматери, и на них

проступает история: треснутые стёкла, жирные кресты на лицах репрессированных тутси. Словом, история пишется, хоть и недавно, потому что писать — привычка белых. Привычка местных — говорить и помнить.

Интересно, что в романе нет и намёка на правильную и неправильную стороны, нет никакого деления на хороших и плохих. Зато показано, как проникают друг в друга, не смешиваясь, две системы координат: в чём-то абсолютно совпадая, в чём-то совершенно противоречиво — но никогда не накладываясь. Женщина должна страдать: такова её природа — спроси хоть рундийскую матушку, хоть матушку настоятельницу. Разницы между девочкой, закрытой на время в хижине, чтобы никто её не видел, и девочкой, несущей ведёрко с крышкой к таинственному домику в глубине лицейского сада, нет.

Обе скрывают позор, соблюдая табу, и ничем языческое молчание не отличается от католического. Разные народы с лёгкостью понимают друг друга, если говорят на языках силы, боли, молчания и стыда. Но живут при этом так, будто до понимания далеко.

44 Зато в произнесённых вслух словах всегда есть магия, прежде всего — магия освобождения. В истории белого плантатора о погребении королевы содержится ключ к усмирению злого духа. Именно истинное имя одной из девочек открывает путь к спасению для другой. В любом традиционном обществе слова имеют силу, и описанная в «Богоматери Нильской» Руанда — не исключение. Поэтому стоило бы аккуратнее обращаться с лозунгами белых, чтобы и они на новой почве не превратились в заклинания — но кто ж знал, что из всех

заморских культур лучше всего приживаются сорняки, а усваиваются — проклятия...

Лекарства от заполняющей реальность ненависти всё-таки есть, целых два: умение сопоставлять и умение противоречить. Полукровка Модеста не хочет принимать ничью сторону и мечтает, чтобы её дети были ни теми, ни другими — только её детьми, бегают откровенничать к Вирджинии-тутси, а защиты ищет у Глориозы-хуту. И при всей этой двойственности никогда не принимает ничью сторону до конца и не вредит никому. Трусость — или выход?

Или вот первая красотка лица — Иммакюле. Все имена в романе говорящие: Модеста, действительно, умеренная, Вероника — *icona vera*, истинный образ древней царицы (что и приводит в этой империи знаков и знамений к страшному — икоборческому — концу).

Так почему имя, означающее безупречность, досталось озабоченной своим хорошеньким личиком специалисту по косметике и обходу лицейских правил? Потому что она безупречно верна себе, что приравнивается к подвигу в среде, где убивают из покорности и травят из солидарности.

Кроме имён и слов, у католиков и руандийцев есть ещё одна точка пересечения — образы. Прежде всего, образ Богоматери. Воскликание белого колониста Фонтенайля «Исида вернулась!» — прекрасный ключ. Древние египтяне действительно верили, что Нил — слёзы Исиды по умирающему и воскресающему Осирису, и многоучёный викарий, по тексту романа решивший посвятить исток Нила Богоматери, по сути, ничего нового не сделал. Дальше — хуже. Тутси изначально были скотоводами и длиннорогих коров

почитали священными. Египтяне же называли белую корову животным Исиды, а одним из её атрибутов — кувшинчик для молока. Вряд ли отличница Вирджиния имеет настолько широкий доступ к египетской мифологии в лицее, но она прекрасно знает обычаи предков, и это знание позволяет ей вычленив из беспорядочной и непонятной болтовни белого плантатора важное: он осквернил могилу королевы. В обряде очищения и умиловления её духа важную роль играет молоко, причём именно молоко длиннорогой коровы. А для руандийцев длиннорогие коровы — символ монархии. Так всё переплелось вокруг одной чёрной Мадонны — небесной царицы.

В романе есть совершенно жуткий кульминационный момент: в попытках отбить Богоматери неправильный нос тутси и приклеить нос как у

национального большинства хуту, местная партийная активистка Глориза напрочь сносит статуе голову. Именно разmozжённые тяжёлой дубиной головы — символ, ужасающая «визитная карточка» грядущего геноцида 94 года. Так что поступок лицеисток в романе — не просто акт политического иконоборчества, но покушение на сам источник жизни.

Мукасонга смогла собрать такую сложную галерею типов и такую продуманную иконографию в романе не случайно и огромной ценой: после злосчастливого апреля она долгие годы не могла заставить себя ни вернуться на родину, ни писать. Только в 2004 году она нашла в себе силы приехать в Руанду. Кажется, это время дало нарастить необходимую дистанцию, стереть личные воспоминания до общих мест и свою боль — до общенародной:

К сожалению, на русский пока переведён только последний её роман и один рассказ («Хвалебная песнь корове», 2019). Интересно и поучительно было бы проследить, как горе в её творчестве эволюционирует от частного к общему. Пока мы (те, кто не имеет привычки читать по-французски или хотя бы по-английски) можем судить только по названиям: сначала были «Тараканы» (2006 год), через два года — «Босая женщина» (с посвящением матери и основанная на её биографии), потом сборник рассказов, из которого как раз известна «Хвалебная песнь корове», переведённая с английского Сергеем Катковым, и наконец — «Богоматерь Нильская», увидевшая свет в 2012 году и почти сразу получившая кучу наград по всему миру. Интересно, что предыдущая большая работа переводчицы Серафимы Васильевой —

это роман «Ночью вся кровь чёрная», повествующий о судьбе двух сенегальских солдат во время Первой Мировой. Иными словами, Васильевой было где увидеть и на основании чего разработать тему наложения европейской культуры на африканскую.

В итоге стараниями автора и переводчика

получился очень мудро устроенный памятник: то ли костница, расписанная тщательно подобранными символами, то ли погребальный плач, сочинённый по всем правилам: образы героев обобщённые, иконичные — но не застывшие. В самый раз, чтобы угадать за ними живые судьбы и подлинную трагедию.

В ПОИСКАХ МЕТАФИЗИКИ

Дмитрий Данилов — успевший хорошо зарекомендовать себя писатель, лауреат нескольких престижных литературных премий, среди которых «Золотая маска» и премия Андрея Белого. В 2020 году его пьеса «Человек из Подольска» была удостоена киноэкранизации. Последнее его произведение, роман «Саша, привет», вышло в начале 2022 года в редакции Елены Шубиной и принесло Данилову премию «Ясная поляна».

В кругах литературных критиков Данилова принято хвалить. Игорь Кириенков в статье, посвящённой роману «Саша, привет!», говорит о его произведениях как о «феномене языка и стиля»¹, делая акцент на его внимании к «мелкой моторике бытия»², заключая неинтересные события,

Александра Сулова

*магистрант
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

тщательно прописываемые автором, в кавычки. Мол, Данилов делает неинтересное интересным.

Данила Давыдов в предисловии к книге «Дом десять» (2005) пишет: «<....> забалтывание, тотальная тавтологичность, параноидальное внимание к несущественному, метафизика, оставленная

за бортом произносимого. Но: абсолютная интимность, значимость, осмысленность каждой мелочи, “позитивность”, как бы выразились представители продвинутой молодёжи, общего повествовательного настроения. Сюжет жизни не важен. Важны осколки восприятия, мимолетные сигналы окружающего мира»³, именуя весь этот комплекс «продуктивным аутизмом»⁴.

А вот что говорит Григорий Дашевский в статье «Проза без происшествий» (о повести «Чёрный и зелёный», 2004): «В регулярности маршрутов, в схожести городков и окраин, в повторении инструкций, в повторении жестов и слов проза Данилова открывает не бессмысленную механичность, а придающую жизни смысл ритуальность»⁵.

Во всех приведенных высказываниях речь идёт о разных произведениях разных периодов творче-

ства, но акцент делается примерно на одном и том же: в каждой работе Данилова считывается предельное внимание к разного рода «мелочёвке», если можно так выразиться, рассматривание «мелочёвки» со всех сторон, перекачивание сквозь пальцы строки, смакование её, пересматривание, переписывание для перечитывания, и наблюдения, наблюдения, наблюдения, другими словами, «что вижу, то пою» и, я бы добавила, «перепеваю».

Обратимся к его ранней повести «Чёрный и зелёный» (2010). Наблюдения Дашевского, на мой взгляд, очень точны. Действительно, «ритуальность» жизни главного героя, продавца чая, видится осмысленной и даже в некоторой степени романтической. Умиляет то, с каким трепетом и нежностью автор через своего героя описывает, казалось бы, не приметные места и, казалось бы,

малозначимые события: «Почему-то захватила, очаровала перспектива такой поездки. Это ж надо — Киржач. Да ещё и Карабаново. Душевный подъём, ветер дальних странствий, как перед дальним путешествием». Ирина Роднянская называет такой метод «метафизическим гиперреализмом»⁶, отмечая, что «всё вокруг, даже самое жалкое и унылое, наделено даром бытия»⁷ (курсив И.Р.). В той же заметке критик отмечает, что Данилова не вполне можно назвать прозаиком, потому что проза его во многом лирична (а я дополню: местами ритмизована, а где-то даже пробегает рифма). Можете убедиться сами: «Сизов торговал на вокзале рождественскими открытками. Его поймали, связали, и вот он умер под пытками».

Самое время признаться, что Данилова я читала в обратном порядке, производила, можно

сказать, левостороннее чтение: начала с «Саши», дальше были «Человек из Подольска» (2016) и «Серёжа очень тупой» (2017), а вышеупомянутую повесть «Чёрный и зелёный» я оставила напоследок. Так вышло. Повесть мне очень понравилась, пьесы оставили неоднозначное впечатление (особенно учитывая тот факт, что они стилистически, композиционно, сюжетно да и сущностно очень похожи), а вот роман о гуманной казни и дружеском пулемёте вовсе привёл в недоумение. Но...

В кругах литературных критиков Данилова принято хвалить: «<...> белый пулемёт Саша стреляет не настоящими пулями, а приглашениями разгадать метафору. Интерпретаций тут может быть больше, чем патронов в обойме. И каждая окажется такой же гладкой и ладной, как её сосед»⁸, — пишет Евгения Лисицына,

которая на «Горьком» выступает ЗА (в смысле, к роману настроена положительно, а есть ещё Денис Епифанцев, который ПРОТИВ, но об этом позже). Вернёмся к множеству интерпретаций. Я предлагаю вот такую: видится, что одним из главных авторских замыслов была попытка показать не только и не столько страх смерти, сколько трагедию одиночества или «абсолютной коммуникативной неудачи»⁹. Серёжа чувствует себя живым трупом, в первую очередь, потому, что таковым его считает общество и самые близкие люди (жена и мать). Они даже напрямую заявляют ему об этом: «Это, прости меня, пожалуйста, как с трупом разговаривать». Фактически герой ещё жив, но в сознании тех, кто так или иначе с ним связан, он перестал быть: его, фигурально выражаясь, похоронили заживо. Такой вот феномен отложенной казни.

Даже представители традиционных религиозных ответвлений (священник, мулла, раввин и лама), которые приходят к нему и сначала как будто дают надежду минимум на наличие приятной компании, а в дальнейшем (по крайней мере, читатель в лице меня смог уловить этот сверкнувший луч) на возможность какого-то просветления, переосмысления, принятия или чего угодно облегчающего муки ожидания, в конце концов отрекаются от него в своей, быть может, слепости к какой бы то ни было надежде (исключение — священник, оставшийся охранять его сон). Между людьми не выстраивается диалог, он действительно «рассыпается». Но почему?

Можно строить предположения: автоматизированность в повседневности приводит к автоматизированности в человеческих отношениях,

«клиповое мышление» порождает рваные диалоги (кстати, один из ведущих приёмов в романе), в которых так сложно докопаться до сути, соприкоснуться сердцами:

— Ну как, приговорили?

— Ну, типа, да. СК.

— Ну, там, типа, других вариантов и не было, я так понимаю.

— Ну да.

И, наконец, можно плавно перейти к культуре отмены и завуалированной тоталитарности пресловутой «новой этики». «Отменить» человека за глупый проступок, вычеркнуть из жизни, повесить ярлык насильника и так далее и так далее, гораздо проще, чем выслушать его, попытаться понять, соприкоснуться с выброшенным за борт, это ведь тоже о «рассыпающемся диалоге»¹⁰.

Если такая трактовка имеет право на существование, то сама идея

в чистом виде, так сказать, ядро, вопросов не вызывает. Невозможность людей друг друга услышать, всепоглощающее одиночество, тотальная изолированность, скрытая за мнимой причастностью, — интересная тема для исследования, однако выбранная Даниловым обёртка порождает лишь отторжение.

Горькая ирония человека старой закалки над мнимыми, по его мнению, проблемами активного согласия, насилия скрытого и явного, личных границ, пересечение которых связано с непростыми этическими дилеммами (главный герой — университетский преподаватель), в очередной раз громко заявляет о том, как непросто живётся белым цисгендерным гетеросексуальным мужчинам во времена, когда у них отнимают привилегии. Кажется, мы где-то с этим уже сталкивались.

Кажется, везде. Эта тема настолько уже избита, что превратилась в пошлость. И хочется ответить лаконично: «Окей, бумер».

В одном интервью на вопрос об идеях, закладываемых Даниловым в его пьесы, автор отвечает обобщённо: «Я никаких идей в тексты не вкладываю, меня интересуют только ситуации. Я либо подсматриваю в жизни, либо придумываю ситуацию с драматическим потенциалом и начинаю её мять как кусок глины». И если брать раннее творчество, то в это действительно хочется верить (очарование повседневности и созидательное наблюдение, как в «Чёрном и зелёном»). Но пьесы «Человек из Подольска», «Серёжа очень тупой» и роман «Саша, привет!» слишком громко сигнализируют о том, что автор всё-таки лукавит.

Вернёмся, пожалуй, к стилю. Данилов в том же

интервью признаётся, что вопросы языка при анализе его текстов интересуют писателя больше, чем, «скажем, политические ассоциации». Приглашаю вас, читатели, к рассмотрению таких особенностей в романе «Саша, привет!». Выше я уже упоминала о том, что короткие, как бы рваные реплики являются одним из главных стилистических приёмов произведения. Тенденция к минимализму прослеживается у Данилова с самых ранних его работ, а здесь она как будто возведена в абсолют. Но это с одной стороны. С другой, перед нами цепочки сложносочинённых и сложноподчинённых предложений со всевозможными дополнениями, наделяющими высказывания предельной бытийностью (вспоминаем «метафизический гиперреализм», только здесь он как будто утрачивает свою метафизичность): «Серёжа подъезжает

к оживлённому месту, выходит, идёт в жерло, которое в нашей реальности обычно обозначает вход в метро, но это не метро, а МЦК, Московское Центральное Кольцо. Серёжа выходит на платформу МЦК, садится на скамейку и ждёт. Он, в общем-то, не особенно ждёт прямо вот конкретного поезда, он просто сидит и пропускает несколько поездов». Из таких примерно одинаковых по структуре предложений состоит вся книга. Казалось бы, топонимы, наблюдения, предельное внимание к повседневности переключалось из ранних произведений сюда, но в чём подвох? Возможно, в отсутствии той самой метафизичности, которая незримо сопровождала Серёж и Николайпетровичей оттуда, а до «сюда» не добралась. Это сложно передать словами, но на уровне чувств разница колоссальна. Как будто «там», за повседневно-

стью, невидимой тенью следовало что-то большее, что в «здесь» превратилось в обыкновенную пустоту (в этом контексте сравнений пьесы «Человек из Подольска» и «Серёжа очень тупой» стоят как бы особняком между мирами, такие буферные зоны). Создаётся впечатление, что Данилов нашёл телегу, на которой можно ехать, да только жемчужины по пути растерял.

Со мной можно спорить, ведь в попытке показать пустых серых людей и их изматывающую рутину, наполненную повторяющимися действиями, событиями и одной большой трагедией (ожиданием казни, повлиявшим не только на Серёжу Фролова, но и на его близких), неотвратимо повлекшей за собой потоки мыслей, от которых никуда не деться, вроде как и есть цель высказывания, подчиняющая себе стилистику, но... магии не случилось,

поэтому, как справедливо сетует Денис Епифанцев (тот, который ПРОТИВ), «к восьмидесятой странице уже хочется, чтоб [Серёжу] расстреляли»¹¹. Действительно, чтение романа оказалось занятием, без преувеличений, мучительным. Кстати, этот зародыш мучительности появился ещё в тех пьесах, которые

я окрестила буферными. Очень хочется назвать всё это поэтикой измора. Так и назову.

В кругах литературных критиков Данилова принято хвалить. Кто-то его творчеством искренне восхищён, кто-то польщён сравнением с ним, кто-то видит сильные места, игнорируя слабые. Я же в замешательстве.

Примечания:

1. Кириенков И. Важная книга: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова. – URL: <https://polka.academy/materials/837> (дата обращения: 02.04.23).
2. Там же.
3. Давыдов Д. Торжество продуктивного аутизма // Данилов Д. Дом десять. Повести и рассказы. М., 2005. с. 6.
4. Там же.
5. Проза без происшествий. Григорий Дашевский о «Черном и зеленом» Дмитрия Данилова. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1498701> (дата обращения: 02.04.23).
6. Книжная полка Ирины Роднянской // журнал «Новый мир» № 6, 2007. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2007/6/knizhnaya-polka-iriny-rodnyanskoj-7.html (дата обращения: 02.04.23).
7. Там же.
8. Лисицына Е. «Саша, привет!» Дмитрия Данилова: ЗА. – URL: <https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-za/> (дата обращения: 02.04.23).
9. Мир без общения и советы Крутого Али. – URL: <https://gorky.media/reviews/mir-bez-obshheniya-i-sovety-krutogo-ali/> (дата обращения: 02.04.23).
10. Там же.
11. Епифанцев Д. «Саша, привет!» Дмитрия Данилова: ПРОТИВ. – URL: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова: ПРОТИВ (gorky.media)/ (дата обращения: 02.04.23).

ЯРКАЯ ЖИЗНЬ

о повести В.В. Михайлова «Жизнь в борьбе»

Мария Викторовна Михайлова

*доктор филологических наук,
профессор филологического
факультета МГУ имени М.В.
Ломоносова, академик РАЕН,
член Союза писателей Мос-
квы, член Профессиональ-
ного женского консульта-
тивного совета American
Biographical Institute*

Когда я была малень-
кой, перед сном папа
рассказывал мне сказ-
ки. Предлагал на выбор:
русскую, где действовали
царевичи и царевны, вос-
точную — там уже появ-
лялись падишах и визири,
и сказку про рыцарей и
королеву. Каждая из них
была нескончаемой, при-
ключения нанизывались
одно на другое, были за-
хватывающими и не по-
вторялись. В детстве я не
задумывалась, откуда он
берет эти истории, а по-
том поняла, что это была
бесконечная импровиза-
ция. И если бы детство не
кончилось, так бы и про-
должались эти рассказы о
турнирах, злых волшебни-
ках и чудовищах. Конечно,
это была смесь из Андер-
сена, Майн Рида, Джека
Лондона, Стивенсона, Га-
уфа и сказок 1001 ночи... Но
смесь талантливая и при-
чудливая. Неудивительно,

что и главный герой повести, которая предлагается вниманию читателя ниже, — не только талантливый мальчик, но и редкостный выдумщик.

Эта повесть — самое начало длинного повествования, своего рода мемуаров, которые в конце своей жизни писал доктор технических наук, дважды лауреат Сталинской (названной потом Государственной) премии, действительный член Академии архитектуры и строительства СССР, член Американской академии железобетона, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат премии Совета министров СССР и премии правительства РФ, человек, награжденный орденом Ленина, — Виктор Васильевич Михайлов (1901–1990 гг.).

Так получилось, что в моем распоряжении остались мемуарные записи, которые в конце жизни, подытоживая ее,

вели на протяжении недолгого времени мои бабушка (1897–1981) и отец (1901–1990). Они были людьми практически одного поколения: бабушка — старше отца всего на четыре года. Еще одна особенность, которая их сближала, — место рождения. Оба — уроженцы Кавказа. Бабушка — наполовину грузинка с примесью армянской крови. Отец — в основном русский, но среди предков итальянцы, поляки и англичане. Наконец, оба принадлежали к среднему классу, но находились как бы в разных его «секторах». Дед отца владел недвижимостью, был состоятельным человеком (ему за благотворительность дали звание почетного гражданина Кутаиси), дал хорошее приданое за дочь, матерью моего отца. Но ее будущий муж отказался от денег и служил. Семейство бабушки жило гораздо скромнее.

Каждый из них оставил довольно подробные воспоминания, особенно касающиеся детства. Дальнейшая жизнь, начиная с 20-х гг., бабушкой обрисована достаточно бегло и хаотично (она не довела записей до конца, оборвав их на середине 30-х гг.)¹. Папин текст более основателен, но и там есть лакуны, касающиеся 20-30-х гг. Более подробно описан период 50 и 60-х.

58

Их жизни могли соприкоснуться еще в отроческие годы в Тифлисе, когда папина сестра оказалась за одной партией с бабушкой в гимназии. Но этого не случилось. Встреча, можно сказать, роковая, в результате которой на свет появилась я, произошло 30 лет спустя...

А произошло вот что. Крупный ученый, будучи

человеком женатым (во время войны жена и сын находись в эвакуации), влюбился без памяти в дочь врага народа, о чем ему было известно и во что он, возможно, искренне верил... Как надо было ему поступить? Конечно, отойти, чтобы не запятнать своей репутации и не смущать покой без того несчастных женщин... Но действительно помутившая рассудок страсть (доказательство тому — кипы отцовских писем матери) не подарила такого благостного решения. Результатом стало сближение, нежелательная беременность и рождение незаконнорожденной (впоследствии удочеренной и получившей отцовскую фамилию) дочери — меня! Развестись отец побоялся: в сталинские времена

¹ Первая часть с подробными комментариями под названием «Тифлис моего детства» (воспоминания К.П. Пышкиной-Ломиашвили) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Российский Фонд Культуры. М., 2017. Т. 23. С. 388–439. Вторая (без комментариев) напечатана в журнале «Literarus» (2018. № 1, 2).

это могло означать конец карьеры, не карьеры даже, а продолжения научной деятельности, чего отец, поглощенный ею и погруженный в нее, не мог и в мыслях допустить.

Жизнь отца сложилась абсолютно благополучно. Посвятивший себя с юности науке создания железобетона, он практически не оглядывался вокруг. Окончил Тифлисский политехнический институт. Потом работал в Киеве, где его и заметил бывавший там наездами Н.С. Хрущев, буквально вытащивший в 1939 г. выдающегося (к этому времени он одновременно с французом Э. Фрейссине в 1933 г. начал развивать идеи преднапряжения бетона и тогда же издал книгу «Напряженно-армированный бетон») ученого в Москву, где отцу предоставили роскошную квартиру в известном доме на улице Чкалова (его соседом оказался Василий

Сталин). В 1942 г. отец изобрел способ получения расширяющегося цемента (за все, связанное с этим, он и получил Сталинские премии). А в 1951 г. был построен завод, где производился водонепроницаемый расширяющийся цемент по предложенной им технологии для нужд Мосметростроя (что очень интенсивно использовалось при прокладке метро, о чем я знала с самого детства, с гордостью произнося, что мой папа построил метрополитен!).

Действительно ли отец не видел и не понимал, что происходит вокруг? Он никогда не интересовался политикой, был абсолютно сосредоточен на своем деле и науке и, видимо, не замечал, что творилось вокруг в 30–50-е годы, хотя об этом и знал. Но это проходило как бы по касательной. Главным всегда было приносить пользу своей стране. К сожалению, все-таки, видимо,

написанная им часть воспоминаний, посвященная именно этому периоду, утеряна, или он сам ее уничтожил... В воспоминаниях сделан «подлог»: подлинные наблюдения и ощущения заменены «пересказом» книги С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу», которая (я это сама видела), явилась для него полным открытием. Но переживания и информацию, засвидетельствованные в этой книге, он наивно выдает за свои собственные размышления, т.е. сам того не подозревая, делает шаг к созданию «антимифа» вместо того мифа, в котором жил...

Но так ли безучастен он был к происходящему, как он хотел бы это представить в конце жизни? И здесь как раз вступает в права история семьи, которая не сложилась именно по причине столкновения удобного для комфортного проживания

мифологического сознания с сознанием, этот миф разрушающим...

Ученого, обращающегося к собственному семейному архиву, подстерегают две опасности. То, что он обнаружит, может показаться ему случайным и не заслуживающим внимания. А может случиться и иное: произойдет излишнее укрупнение частного случая. Мне представляется, что я сумела избежать подобных крайностей, ибо сам обнаруженный материал «высветил» болевые точки исторического процесса середины XX века и дал импульс к осмыслению на примере одной семьи «частной» мифологии, вероятно, в той или иной степени, сопутствовавшей развитию советского социума.

Мемуары отца, как уже сказано было выше, по разным семейным обстоятельствам сохранились далеко не полностью.

Но я хорошо помню, что для того, чтобы их записать, папа научился печатать на машинке. И все 10 томов, которые изначально были созданы, напечатал сам. Меня просил только исправлять опечатки и описки, а также вкрадывавшиеся ошибки (тогда я уже училась на филфаке).

В детстве меня родители часто брали с собой в свои поездки на Кавказ, где отдыхали. У отца было множество учеников, коллег и друзей в Закавказье (он там довольно долго работал после окончания Тбилисского Политеха). Там, в Баку, Ереване, Тбилиси, нас часто возили по этим городам, и папа показывал здания, в которых были использованы его железобетонные конструкции. Однажды я даже напросилась на его лекцию, длившуюся более часа. Ничегошеньки не поняла, конечно, но понравились слайды, которые

показывались на экране, и множество людей, о чем-то его бесконечно спрашивающих. В общем высидела и не заснула.

Рано отец стал выезжать в составе делегаций за границу, для чего уже на шестом десятке стал изучать английский (французский и немецкий он знал в совершенстве). Учила его Доротея Леонтьевна Адамс, американка, давно живущая с мужем в СССР. Как потом выяснилось, ее муж, Артур Александрович, был знаменитым разведчиком, работавшим на нас, а она его помощницей. О супругах Адамс можно найти много интересного в интернете. Так вот, Доротея Леонтьевна выучила папу так, что он смог делать доклады на английском и общаться (произношение было ужасное, но его все же понимали).

Я помню его поездку в Америку в 1957 г. Он там оказался почему-то

в одном отеле с Керенским, о чем с удивлением рассказывал. Тогда я впервые услышала эту фамилию и запомнила. А потом были его рассказы о чудесной стране, где все время цветут тюльпаны, — Голландии (луковицы черных он привез, и они расцвели у нас дома).

Вообще больше всего отец поражал работоспособностью и неудержимой фантазией. Вставал рано, часов в 6, и вскоре брался за работу. Но перед этим — часовая гимнастика (из поездки в Индию он привез какой-то диковинный комплекс упражнений, где наиважнейшим было дыхание, — видимо, что-то йогистое; это он неизменно выполнял!). А что касается его научных «придумок», мне больше всего запомнился его рассказ об удивительной телевизионной башне высотой 2000 м., которая должна была состоять из каких-то спиралевидных

стоек и стальных труб. Не знаю, насколько это было реализуемо, — но чертежи, которые он мне показывал, были прекрасны.

Вообще талантов у отца было не счесть. Хорошо рисовал и писал маслом. Как-то на юге написал картину: красивый цветущий рододендрон, которым нельзя было не залюбоваться. Это у них было семейное: сестра Вера, которая тоже является действующим лицом повести, стала известной художницей (по мужу Варт-Патрикова). Ее московские акварели очень ценятся знатоками, много работ хранится в музеях. И я тоже чуть-чуть унаследовала этот талант, училась в художественной школе и, если бы было время, продолжала бы рисовать. Отец прекрасно играл на рояле. Конечно, сложные вещи со временем перестали удаваться. Но «блатной» шансон 20-х годов, песня

под названием «Шумит ночной Марсель...» приводили меня в полный восторг. Плавал он так, что мы на берегу просто сходили с ума, теряя его из вида на 2–3 часа (и это уже в очень преклонном возрасте!). А в юности занимался альпинизмом, покорял вершины. Хорошо танцевал. На его 80-летию мы с ним исполнили танец (что-то среднее между танго, фокстротом и па-де-катром). Успевал читать (но это уже заслуга моей мамы, которая была директором библиотеки и подсовывала ему журнал «Иностранная литература»). С удовольствием смотрел современное кино: был покорен красотой Джинны Лолобриджиды. А еще отлично, на кавказский манер, готовил. Мог, например, запечь на противне курицу с айвой так, что все цокали языками, когда ели. Ценил хорошие грузинские вина и воды «Логидзе»

(в советское время они еще не утратили свои вкусовые качества). Был и рыболовом: на озере Рица мы с ним ударили форель.

Все эти таланты в зачаточном состоянии можно обнаружить в личности мальчика, потом юноши, потом зрелого мужчины, ставшего центральным героем автобиографической эпопеи «Жизнь в борьбе». Можно только еще больше пожалеть, что от нее сохранились только отрывки. Но то, что ее заголовки — не дань советскому пафосу, а истина, свидетельствуют многие эпизоды его жизни. На защиту докторской отец вышел с отрицательными отзывами и защищал работу в течение 8 часов, перетянув на свою сторону в итоге весь диссертационный совет и блистательно ее защитив. Он не побоялся пойти в конце 50-х — начале 60-х гг. против очень благоволившего к нему Хрущева,

когда воспротивился строительству пятиэтажек («хрущевок») по проекту В. Лагутенко. Вероятно, был неправ, т.к. людям надо было дать жилье, а пятиэтажки с совмещенным санузлом и крохотной кухонькой были реальной возможностью сделать это быстро. Но отец стоял твердо и вдрызг рассорился с первым секретарем ЦК КПСС, что несколько осложнило его дальнейшую жизнь.

64 Не вступил в партию, хотя это дало бы ему еще какие-то дивиденды. Насколько я могу дать себе в этом отчет, не занимался дрызгами, подсиживаниями и пр., а всегда с огромным уважением относился к своим коллегам. От него я постоянно слышала фамилии ведущих строителей советского времени — Скрамтаева, Гвоздева, Звездова, как и труднопроизносимый для ребенка набор букв НИИЖБ (Научно-исследо-

вательский институт бетона и железобетона).

Конечно, отец любил производить впечатление: рассказами о поездках, знакомством со знаменитыми людьми, эпизодами долгой жизни. Но в своих рассказах никогда не злоупотреблял подробностями. Так, я никогда не слышала от него повторения рассказа о событии, которое на меня, 6-летнюю девочку, произвело особое впечатление. В 1952 г., когда я, мама и папа отдыхали в санатории «Украина» в Гаграх, к нему приехал для делового разговора Никита Сергеевич Хрущев. Я помню какое-то необычное оживление в санатории, все куда-то бегали, о чем-то шептались. А мы не пошли на пляж, что меня очень огорчило. И папа исчез надолго. А потом вернулся очень радостный, довольный, все время улыбался. А вечером дольше обыкновенного читал мне книгу Миклухо-

Маклая о папуасах Новой Гвинеи и диковинных животных, живущих на берегах этих островов. Потом мне мама рассказала, что к папе приезжал очень важный человек, похваливший его за хорошую работу. Так я узнала о визите Хрущева. Поэтому

в 1955 году, когда Советский Союз посетил Джавахарлал Неру и Индира Ганди, а меня выбрали в школе, чтобы я преподнесла им букет, я на трибуне стадиона «Динамо» отдала букет не им, а Никите Сергеевичу. В благодарность за папу.

*На фото: Маша Михайлова
и Виктор Васильевич Михайлов (1963–1964 гг.)*

БЕЗ ОГРАНКИ

Повесть «Жизнь в борьбе» В.В. Михайлова — это мемуары с элементами жанра автофикшн, написанные учёным в 1980-х годах. Автором был запланирован масштабный труд, который должен был стать своеобразным художественным итогом жизненного пути. Сохранившаяся книга «Наш сад»¹ охватывает детские годы главного героя, выпавшие на 1903–1912 гг.

Витя растёт в дворянской семье и воспитывается в духе времени: гувернантка-француженка, иностранные языки, чтение, гимнастика. Мальчик проводит вечера с семьёй, довольствуется узким кругом друзей и любит играть

66

Мария Тухто

магистрант филологического
факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

¹ Интересно, что в 1966 г. писательницей Галиной Николаевой, работавшей в русле соцреализма, во многом утвердившей его каноны (хотя и поколебавшей его устои в романе «Битва в пути»), была опубликована книга лирических новелл и мемуарных заметок под названием «Наш сад» (М., «Советская Россия»), где она дала себе волю не работать в парадигме социалистических мифологем и идеологем.

в большом фруктовом саду родительского поместья. Сад — центральный образ повести, который объединяет героев. Нежные чувства к сестре и детские влюблённости Вити так или иначе связаны с безусловной любовью к саду: сидя на фруктовых деревьях, Витя уносится на крыльях фантазии, в ветвях старой мушмулы устраивает многочисленные тайники, забота о саде сближает мальчика с его дедушкой, недавно потерявшим горячо любимую жену Герту, к грушевым деревьям Витя ревнует многочисленных подруг сестры, бесцеремонно стряхивающих плоды на землю, о саде вспоминает во время прогулок по паркам Ранченьо и Пратер.

Приключенческая литература и фантастика полностью определяют досуг мальчика: Витя играет в Тома Сойера, а после появления Кометы Галлея (1910)

уносится на Марс в воображаемом звездолёте. «Этот мальчик — необычайный изобретатель!» — замечает о Вите дедушка. Неиссякаемая фантазия, самоуверенность и настырность — пожалуй, основные черты характера главного героя. Витя окружён женским вниманием, постоянно влюблён — и по-детски чистые чувства, которые он дарит то одной, то другой даме сердца, в какой-то момент становятся сюжетообразующей линией. Вите в целом свойственна не только сконцентрированность на своих переживаниях, но и чуткость к окружающему миру (отношения с одноклассником из совсем другой среды, интерес к странной девочке-виденью, проникающей в его сад), что отчасти сближает его образ с Чиком Ф. Искандера.

Родители Вити решают переехать в Вену, и, благодаря любопытству и цепкой наблю-

дательности мальчика, и без того увлекательное путешествие наполняется деталями быта, описаниями природы, названиями городов, улиц и достопримечательностей. Витя не скрывает своего интереса к техническим достижениям эпохи: особенно его внимание привлекает железная дорога, которую, что бы ни происходило вокруг, взгляд мальчика раз за разом выхватывает из пейзажа. За границей же Витя впервые видит автомобиль, на даче в Левико ездит на озёра, катается на лодке и изучает фиакры.

«Жизнь в борьбе» — это автобиографическая повесть, впитавшая в себя элементы научной фантастики, авантурные сюжеты Майн Рида, Марка Твена и Фенимора Купера. Пожалуй, самой сильной стороной текста является непосредственность, с которой автор, рисуя

главного героя, воспроизводит атмосферу эпохи — просто и естественно, без нарочитой детализации и неестественной фокусировки во имя прорисовки далёкого от современного читателя мира. Безусловно, стиль текста нельзя назвать идеальным: авторское присутствие выдают как фактические ошибки, отмеченные публикатором, Марией Викторовной Михайловой, в комментариях, так и речевой портрет Вити, который к 9 годам обладает энциклопедическими знаниями в области астрономии, порой изъясняется наукообразными фразами. Художественная редакция, сгладив углы, приблизила бы повесть к современному читателю, но и убила бы эту непосредственность восприятия. Нам же с Марией Викторовной хотелось сохранить и передать алмаз без огранки, в его первозданном виде. Возможно, время для художественной

шлифовки, вплетения этого архивного материала в другой, параллельный сюжет, как это модно делать при сборке современных романов, когда-нибудь наступит. Хочется верить, что текст с увлекательным сюжетом и яркой культурологической основой найдёт своего читателя,

а эта публикация станет лишь первым шагом на пути к его дальнейшему осмыслению.

Повесть приводится с минимальными редакторскими правками. Комментарии к тексту были написаны М.В. Михайловой и Еленой Гриб.

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

Повесть

Предисловие

В повести «Жизнь в борьбе» нет точной хронологии событий; они описаны по принципу взаимосвязи для лучшей оценки автора как личности, со всеми достоинствами и недостатками, которых я не умаляю. Все действующие лица названы своими именами. Рассказанные события и действия являются наиболее значительной частью того, что мне пришлось пережить в течение более 80-летнего периода (1903–1987 гг.) своей жизни.

Главная цель моей жизни — это стремление дать стране, народам Советского Союза предельно большие научные и технические ценности и обеспечить их полноценное внедрение, ничего не требуя и не желая для себя лично.

Книга 1 охватывает период 1903–1912 гг., когда формировался мой характер, проявлялись способности и устанавливались стремления на будущее.

Глава 1. Раннее детство

Сад простирался от фасадного корпуса, что против Заведения св. Нины¹, вглубь территории двора. Начинаясь с массивной железно-каменной оградой, окруженной кронами многолетних фруктовых деревьев, он спускался широкой полосой между Заводской и Водовозной улиц к реке Риони², становящейся страшной и бурной в половодье.

Люля называла сад зачарованным, и он был таким на самом деле.

— Каждое дерево, каждый куст, беседка в ее середине и таинственные уголки там и сям говорят о таинственном, загадочном и, наверное, сказочном, — повторяла она часто мне.

Люля — это моя няня, гувернантка и учительница, француженка по национальности. Она говорила со мной только по-французски, за что отец постоянно ей выговаривал.

— Но я не могу говорить по-русски так, чтоб научить его культурной и литературной речи, — возражала она отцу.

Я очень любил Люлю, вернее, я ее обожал безудержным чувством ребенка к лучшему другу. Я подозревал, что папа чувствует то же, что и я. Ведь Люля была в то время молодая красивая девушка. В знак любви, когда мне исполнилось 6 лет, она подарила мне серебряную с позолотой ложечку, которая сохранилась у меня на всю жизнь. На ложечке написано: «дорогому Витюше от Люли». За 80 лет гравировка немного стерлась, но прочесть ее можно без труда.

— Ты называешь его зачарованным, — говорил я, — потому, что сама очаровательная и загадочная, а также потому,

---

¹Заведения Святой Нины для благородных девиц были организованы во многих крупных городах Закавказья. Названы в честь христианской просветительницы Грузии святой равноапостольной Нины.

²Риони — река в Грузии, одна из крупнейших в Закавказье. Делит город Кутаиси на две части.

что хочешь меня слегка подзадорить. Ведь я сам влюблен в наш сад: это будто дворец из деревьев, которые своими кронами делают его тенистым и прохладным в самое жаркое время.

— Мама сердится, что ты пропадаешь в саду целые дни, лазишь по деревьям. Когда-нибудь ты упадешь и разобьешься вдребезги, — говорила она, но в душе меня понимала.

— Никогда, никогда я не упаду, это невозможно, — кричал я. — Я сильный и ловкий, как обезьянка. Скажи маме, что ей нечего бояться.

И действительно, упасть для меня было невозможно. Я лазил по деревьям лучше и быстрее, чем Вера³, моя сестра. Бояться надо было за нее, а не за меня. В гущах ветвей на каждом дереве, будь то яблоня, груша или слива, везде у меня были любимые удобные уголки, где увидеть меня с земли было невозможно и где я мог сидеть один и мечтать, мечтать о своем чудесном будущем, которое для меня было волшебным, сказочным и загадочным. Любимыми моими деревьями были мушмулиновые деревья⁴, что были посажены вокруг спортплощадки и «беседки свиданий» (так ее все называли), и дерево унаби⁵, что ближе к реке Риони. Конечно, я любил и малинник, что под стеной соседа, завода «Лагидзе»⁶, и в стороне Водовозной улицы, который дедушка мой

³Михайлова Вера Васильевна (в замужестве Варт-Патрикова, 13.11.1897–1988) — живописец, член Союза художников СССР. Известна своими акварелями. Большинство работ хранится в музее с. Шушенское. Похоронена на армянском кладбище в Москве.

⁴Мушмула — фрукт, обычно называемый «японской сливой».

⁵Унаби — китайский финик.

⁶Завод «Лагидзе» выпускал фруктовые воды. Их история началась в конце XIX в., когда 14-летнего Митрофана Лагидзе приняли на работу помощником фармацевта в Кутаиси. Владелец аптеки помимо прочего занимался приготовлением прохладительных напитков из заграничных химических эссенций. Тогда-то юного Митрофана и посетила идея наладить выпуск натуральных фруктовых сиропов, которые впоследствии стали использоваться в качестве основы для всех его лимонадов. И в 1887 г. он регистрирует собственное предприятие по производству напитков «Митрофан Лагидзе», а в 1900 г. запускает в Кутаиси небольшую фабрику по изготовлению сиропов из фруктов и трав.

Виктор Антонович Витушинский⁷, несмотря на мои слезы и уговоры, почти полностью уничтожил постройкой в саду особняка в честь моей матери Марии Викторовны. Но об этом позже...

Кого же я больше любил в те детские годы? Трудно сказать. Наверное, одинаково всех. Но если быть точным, то больше всех Люлю, затем сестру Веру, маму, дедушку и папу. Бабушку я знал очень мало, она умерла, когда мне было 3 года. Англичанка по национальности, она носила фамилию Дигби⁸. Дедушка любил ее безумно и чуть не застрелился, когда она умерла. Так мне рассказывали позже. В гроб он положил вместе с ней золотые серьги с драгоценными камнями, браслет и обручальное кольцо. И как его ни убеждали, что это не на пользу, а во вред любимой женщине, что ее могут потревожить в гробу злые люди, он возражал и настоял на своем. Что из этого вышло, увидим позже...

— Если бы это было возможным, я положил бы в гроб все свое состояние, — твердил дедушка. — На что мне оно без нее... И заливался горячими слезами. И долго не мог успокоиться.

Он брал меня на колени и много рассказывал о дорогой Дине; я слушал, но не понимал ничего, а то и просто пропускал мимо ушей. Я ведь был тогда совсем маленький и глупенький, и мне больше нравилось, когда он брал меня за руку и вел в свою аптеку, где объяснял лекарства и их живитель-

⁷Витушинский Виктор Антонович (1823 (?)-23.04.1909) — почетный гражданин г. Кутаиси, провизор, домовладелец.

⁸Дигби — фамилия итальянского архитектора (по-видимому, английского происхождения, хотя он сам считал себя итальянцем). Дигби Александр (1758, Тоскана — не ранее 1840, Российская империя) был приглашен Екатериной II для развития вновь присоединённых к Российской империи южных губерний. В качестве губернского архитектора осуществил застройку Астрахани (обустроил центр Белого города), потом в Одессе (Дом Ланжерона, первый каменный мост), затем, по некоторым сведениям, Херсон. Имел четверых детей, один из которых, вероятнее всего, Александр Дигби (младший), работал в Керчи. Дигби Анна Мария Луиза (26.12.1852, Николаев — 1903 (?)) — вероятно, его внучка или правнучка. Родители — Карл Дигби и Анна Аппель.

тельную силу. Особенно привлекали меня лекарства, на которых была наклеена мертвая голова с костями и другие предупредительные надписи.

— Почему они ядовитые? — перебивал я его. — Зачем они нужны людям? С какой стати их держать в аптеке... разве это не опасно? Разве это разрешено? Дедушка, а тебя за это не накажут? Не уведут под арест?

— Тебе это не понять, — говорил он, — ведь и яд, принятый в малом количестве, может быть очень полезным.

— Ты, наверное, шутишь, дедушка, — отвечал я.

Однако яды для меня были очень интересны, и много позже я собрал целую коллекцию ядов, сам не зная для чего!

Кроме Люли, я был формально влюблен в свою сестренку Веру, на 3,5 года старше меня, которая позже поступила в заведение св. Нины и окружила меня своими подружками, нежно тискавшими меня в своих объятиях, что я очень не любил. Приходили они по воскресеньям шумной толпой и сразу бежали в сад, где, к моему ужасу, трясли молодые деревца, сбрасывая таким образом груши. Я просто ненавидел их за это, не из жадности, нет, а просто мне было жалко бедные деревца, с которых при этом сбивались и ветки... Петр, садовник, тоже не любил подруг Веры, и по воскресеньям, как это ни было для него трудно, не покидал сада ни на минуту. Позже папа разрешил ему пользоваться отдыхом по субботам. Не будь Петра, сестрины подружки уничтожили бы все молодые деревца.

Большие деревья были в безопасности, их не мог потрясти даже взрослый мужчина, поэтому за свои тайники я был спокоен.

В день рождения моей сестры родные посадили в первом главном дворе дерево, которое в 1904 году было уже почти восьмилетним. За ростом этого дерева был самый строгий надзор. Вокруг ствола была установлена четырехугольная

скамейка, защищавшая его от повреждений. Сейчас эта липа — могучее дерево, в тени которого днем жители дома прячутся от солнечного зноя, а ночью нежные парочки шепчутся и обнимаются в темноте. Здесь и я у молодого дерева, сидя на коленях Люли, нежно прижимался к ней и шептал ей, что хочу спать...

Сад при нашем доме создал дедушка. Раньше на его месте была большая поляна — луг, обнесенный частоколом. Дедушка построил вокруг луга массивную, выполненную из тесаного твердого камня ограду с красивой чугунной решеткой, как на Кутаисском бульваре, и вырастил роскошный фруктовый сад.

Я думаю, что дедушка любил меня сильно, потому что знал о моей влюбленности в наш сад. Он как бы доверял мне его сохранность. Все знали, что если меня нет дома, значит, я в саду, и посылали Петра найти меня и привести домой. По субботам родные ходили в городской драматический театр, построенный дедушкой⁹ и принадлежавший ему. Часто они брали с собой Люлю и Веру. Тогда, оставшись один, я мчался в сад и лежал на верхушке облюбованного дерева, жадно изучая темно-синее небо, усыпанное яркими звездами. Я знал звезды по названиям и легко выискивал созвездия.

— Почему люди дали им названия зверей? Почему созвездия и звезды называются Кит, Пегас, Рыбы, Ящерица, Лебедь, Козерог, Дельфин, Орел, Змееносец, Волк, Центавр, Большая и Малая Медведицы, Гончие псы, Лев, Рак, Единорог, Заяц, Голубь, Жираф, Большие и Малые Псы? — приставал я к дедушке. — А что представляет собой туманность Андромеды?

Ответа я, конечно, не получал, но продолжал смотреть на небо и мечтать... В моем сознании возникали вопросы,

---

⁹Театр был основан в 1861 г. Само здание театра на 700 мест было построено годом раньше. Данных об инициаторах строительства найти не удалось.

на которые никто не мог ответить. Совсем недавно я выучился читать по-русски, в то время как по-французски я читал как заправский лингвист. Французские книги мне давала Люля, и я хранил их бережно, защищая от дождя в дупле одного дерева. Люля умоляла меня ничего не говорить родным о французских книгах и их чтении.

— Витюша, ты должен скорее научиться правильно говорить по-русски, — умоляла она. — Иначе папа сильно на меня рассердится и прогонит меня, и я умру от тоски по тебе, ведь я так сильно люблю тебя, мой дорогой, мой бесценный...

И я старался. Когда мне исполнилось 5 лет, я читал уже по-русски не хуже, чем по-французски, и Люля гордилась мной.

Одной из первых книг я прочитал «Тома Сойера» Марка Твена, и она мне очень понравилась, так как мне казалось, что я похож на Тома.

76

Теперь недостатка в книгах у меня не было, их приносил отец¹⁰, который любил слушать, как выразительно я читаю. Любила слушать меня и Вера. Тематика книг была разная. Я любил книги о приключениях и путешествиях с описанием различных стран и природы. Вера любила книги про любовь, со счастливым концом. Папа любил серьезные книги и заставлял меня читать Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова... Мне они тоже нравились, хотя и не все было понятно. Я задавал вопросы отцу, он у меня был очень умный, знал и понимал буквально все. Сначала я записывал книги, которые прочитал, затем бросил эту затею. У меня в детской был специальный шкаф, где мы с отцом раскладывали прочитанные книги и те комплекты сочинений русских, французских и других иностранных авторов, что получали как приложение к журналам «Огонек», «Нива» или же заказывали через книжную лавку. Отец ничего не знал об умении моем хорошо

---

¹⁰Михайлов Василий Иванович.

читать, а затем и писать по-французски, и только когда мне исполнилось 6 лет и начались разговоры о поступлении в гимназию, он застал меня за переписыванием понравившихся мне цитат из книги Дюма на французском языке (подарок Люли). Однако отец не только не рассердился, как я ожидал, а поднял меня на руки и расцеловал.

— Молодец, Витюша, — воскликнул он радостно, — я знал всегда, что ты умница, будешь большим ученым.

Однако я мало сказал о том, кто был мой дедушка и откуда он взялся.

Виктор Антонович Витушинский родился на Украине в семье богатого дворянина. О своем детстве и юности он никому, даже мне, ничего не рассказывал. То ли оно было у него нерадостным, то ли он рано потерял родных. Как единственный сын он унаследовал все богатство предков. Он ликвидировал на Украине всю свою недвижимость и переселился в Грузию в г. Кутаиси. Наверное, он много слышал об этом городе как центре Грузии, объяснений своему поступку он тоже никому не дал. Приехав в Кутаиси, он скупил в самом центре земли и старые домики, завладев, таким образом, целым кварталом города, за исключением площади, занимаемой заводом «Лагидзе», и энергично, даже страстно увлекся его преобразованием. Знакомств в городе он завел много, но ни с кем не дружил. Выезжал периодически за границу, после одного из посещений Англии привез домой молодую жену Герту с девичьей фамилией Дигби (второе имя Дина)¹¹.

— Дедушка, а бабушка Герта была красивая?

Он достал тогда фотографию бабушки:

— Ты видишь, какая она была красивая, добрая и задушевная. Она родила мне трех девочек, твою маму в первую очередь.

---

¹¹Видимо, это было в некоторой степени семейной легендой, т.к. скорее всего знакомство молодых людей состоялось все же в России.

А у самого на глаза навернулись слезы, он отвернулся от меня и посмотрел в сторону.

— Дедушка, — приставал я, — ты бабушку знал раньше или познакомился, влюбился и женился на ней в свою последнюю поездку за границу? Ведь после женитьбы ты же ни разу за границу уже не ездил.

— Родители жены были категорически против ее брака с иностранцем, да еще и с представителем такого дикого народа, как русские. Мы сочетались браком против их воли, тайно, и сразу уехали. Герта сначала тосковала по родным, но потом забыла их. Ведь ни на одно письмо к родным с приглашениями приехать в Кутаиси, где бы их встретили со всем радушием и гостеприимством, она ответа не получила. Меня она любила так же сильно, как и я ее. Как же я мог допустить ее смерть?! Никогда мне за это не будет прощения. Ведь я фармацевт. В моем распоряжении были всевозможные редкие лекарства. Доктор Топоров, лучший врач города, лечил ее. И она все же умерла.

И он уже рыдал, сидя рядом со мной и утирая мокрым платком глаза. Плакать он позволял себе только при мне, т.к. любил меня больше всех внуков (а их было тогда уже пятеро) и позволял себе расслабиться...

Я целовал его руку и старался, как мог, успокоить. И тогда он утихал и сидел со мной рядом задумчивый и молчаливый.

Финансовые дела его были на высоте — то ли он привез большие деньги с Украины, то ли вел свои аптекарские дела умело. У него были три аптеки: в Кутаиси, в Батуми и в Баку¹². Он покупал все новую и новую недвижимость: что-то за пятьдесят тысяч в районе Кутаисского кладбища, табачные

---

¹²Помещение аптеки в Баку сохранилось до сих пор. Там располагается одно из городских учреждений.

плантации в Сухуми, дачные имения на Зеленом мысе¹³ и в Махинджаури¹⁴ близ Батума, где помещалась аптека, все время расширял стройки домов при нашем саде, построил здание русской драмы в Кутаиси... В Кутаиси он слыл богатым и очень расчетливым человеком. Был очень замкнутым, но в то же время не скупым. Одним словом, в доме всегда имелись деньги, они тратились свободно, своих дочерей он постоянно отправлял за границу, обеспечивая комфортабельное их проживание за рубежом. За весь остаток его жизни я ни разу не был свидетелем отказа в деньгах его дочерям, особенно моей матери, которая была старшей и наиболее любимой (я полагаю, что из-за меня). С младшими дочерьми у него иногда были споры. С моей мамой никогда.

По его настоянию мама с Верочкой и со мной в 1906 году выехали на полтора года за границу в Вену, столицу Австро-Венгерского государства, для отдыха в летнее время в Тироле (на курорте Левико¹⁵) и в Женеве (Швейцария).

79

Мой отец, Василий Иванович Михайлов, родился в Сибири в семье служащего, окончил гимназию, занимался юридической деятельностью. Приехал в Кутаиси по приглашению Акцизного управления занять место акцизного инспектора. Работа эта ему нравилась, и он обосновался здесь надолго. Как-то на балу, даваемом Заведением св. Нины, он познакомился с выпускницей Марией и влюбился в нее. Конечно, о женитьбе говорить было еще очень рано,

¹³Зеленый мыс располагается в 8 км. от Батуми, является уникальным и популярным местом в Абхазии. Здесь расположился ботанический сад, основанный А.Н. Красновым, который убедил правительство и частных меценатов в необходимости сбора средств на его создание. Сад открылся в 1912 г.

¹⁴Махинджаури — посёлок, в котором расположена одноимённая железнодорожная станция, бывшая главным железнодорожным вокзалом Батуми до открытия Батуми-Пассажиурской, и находится климато-бальнеологический курорт. Теперь располагается в черте города Батуми.

¹⁵Левико — всемирно известный австрийский курорт в Южном Тироле, на высоте 500 м. над уровнем моря, в 1/2 час. езды от Триента. Расположен недалеко от озера. На территории 2 источника минеральной питьевой воды. Теперь Левико входит в состав Италии.

но он сумел войти в дом бабушки и зачастил в гости.

Характер у него был замкнутый, под стать бабушке, вот они и сошлись, подружились. Однако бабушка прочил в мужа своей Марусе не такого жениха.

— Муж Марии, — говорил он, — должен быть знатным человеком, совсем не обязательно богатым. Денег я дам Марусе в приданое достаточно. Бедными они никогда не будут. Об этом я уж позабочусь. Василий Иванович красив, в этом ему отказать нельзя, но он не знатен, он не жених Марусе. А что ходит к нам, пускай ходит. Пускай ходят и другие. Дочь должна быть окружена поклонниками. Пусть веселится, сколько ей вздумается.

Однако он считал, что такая девушка, как Мария, должна выйти замуж по любви. Он презирал аристократическую молодежь, считая ее развращенной и непостоянной. Он с ужасом думал, что вдруг у ног Маруси появится этакий прощелыга, какой-нибудь офицер с лихо вздернутыми усиками, и увлечет молодую девушку, женится, растратит ее деньги и бросит ее, одинокую и несчастную... Такие мысли угнетали его.

Отец полюбил девушку, и такие разговоры казались ему жестокими. В скором времени все решилось просто и быстро. Окончив заведение св. Нины, мама, которой папа очень нравился и которого она полюбила всей душой, пошла к бабушке и сказала:

— Папа, я полюбила достойного порядочного человека, он красив и любит меня. Ты должен дать согласие на наш брак. Богатый и знатный мужчина мне не нужен, все они испорченные и ветреные. Ты всегда говорил, что любишь меня больше всех, так поступи справедливо, дорогой папочка, дай согласие! Если тебе надо подумать, думай, я тебя не тороплю. Но только не отказывай...

И она нежно обняла его и прижалась к груди.

Все были поражены! Бабушка сразу дал согласие

любимой Марусе и назвал сумму приданого... Но папа от приданого отказался наотрез. Женится он по любви, а не из-за денег.

Дедушка решил вопрос без пререканий:

— Деньги эти Марусины. Нужны они Вам или нет, неважно. Ваше право отказаться от них. Деньги будут лежать в банке, в полном распоряжении Маруси. Она должна быть обеспечена и независима ни от кого. К этому она привыкла с раннего детства. Хочет купить что-либо дорогое — пусть покупает, хочет поехать на курорт, хоть за границу — пусть едет, хочет сделать какой-либо дорогой подарок — пусть делает. Ей не нужно спрашивать моего согласия или разрешения. Она должна только посоветоваться с Вами. Ваш долг, как мужа, помочь Марусе разумно тратить свои деньги, чтоб ей их хватило для того, чтобы поставить на ноги своих будущих детей.

Папа не любил денег, особенно больших. Неравномерное распределение их между людьми он считал большой несправедливостью. Папа ведал акцизным отделом Управления¹⁶, получал в месяц 500 рублей и почти полностью отдавал их маме, будучи уверен, что его личная скромная жизнь стоила,

*На фото: Мария Викторовна (Витушинская)
и Василий Иванович Михайловы (середина 1890-х гг.)*

¹⁶Акцизные управления были созданы в 1862 г. Они осуществляли контроль за свободным производством и продажей алкогольных напитков и уплатой соответствующего налога (акциза) в пользу государства

наверное, не более трети даваемых им денег. В заграничных путешествиях семьи он принимал минимальное участие, при этом скрупулезно подсчитывая, сколько денег пошло на него лично. И этими подсчетами страшно сердил маму. Что же касается разумного ведения мамой финансовых дел, то, вопреки наказу бабушки, он устранился от этого полностью. И это после смерти бабушки чуть не привело маму к разорению.

Что было в папе замечательным, так это его абсолютная верность маме и преданность детям, которых он, несомненно, любил, хотя никогда не нежничал с ними и внешне был очень строг, отчего и прослыл замкнутым и сухим человеком.

После моего рождения в 1901 г. в доме стало двое детей: сестра Вера и я. Мои тети Елена и Анна успели выйти замуж, но детей не имели. Елена была замужем за Никодимом Антоновичем Бялуским¹⁷ — ботаником по образованию и садоводом по влечению сердца. Анна вышла за военного, полковника, — и сразу уехала к нему в Тифлис.

Мамина семья занимала второй этаж старого дома, что находился прямо против заведения св. Нины. Он состоял из 8 комнат, выходящих на фасад и во двор, кухни с предкухней и двух людских. Квартира была большая, просторная, с высотой потолков 4,5 метра и 13 окнами на фасад и с широкой полуоткрытой верандой (шириной 2,5 м) во двор. Открыв все двери, я лихо катался по квартире на детском велосипеде, создавая невероятный шум и суматоху. Я ни разу не упал, хотя полы всегда были натерты, — это моя природная ловкость спасала меня от падений и увечий.

---

¹⁷Бялуский Никодим Антонович — муж сестры матери Виктора Михайлова Елены. Был провизором в аптеке по ул. Дондукова-Корсаковской, находившейся в собственном доме. При доме был небольшой завод по производству искусственных минеральных вод. В 1911 г. избирался гласным Батумской городской Думы. После революции жена с детьми эмигрировала во Францию, где до сегодняшнего дня живут их потомки.

Тетя Елена жила в новом доме над аптекой с окнами, выходящими на главную Кутаисскую улицу, но после смерти бабушки переехала в Батуми, получив в наследство дачное поместье на Зеленом мысу. Это был большой дом с аптекой на берегу Черного моря. Она родила 9 детей, а затем покинула Россию и уехала за границу.

Глава 2. Комета Галлея

Когда мне было 9 лет, произошло событие, которое повлияло на мой характер и определило в будущем мою деятельность как ученого в области механики и строителя. К земле приближалась комета Галлея¹⁸. Я достал космографию и прочитал об этой комете все, что там было написано.

— Ученые знают о ней так мало, практически ничего, кроме траектории. Даже состав самой кометы, ее ядра и хвоста неизвестен. Лишь предполагается, что он состоит из газов, — говорил я отцу. — Папа, наверное, ты знаешь больше, расскажи!

— Дорогой мой, о комете Галлея я знаю не больше тебя, — отвечал отец. — Когда люди полетят в космос — а это будет, наверное, в 1986 году — они осматривают комету со всех сторон и сядут на нее, если это возможно.

— Тогда я сам полечу в космос! — воскликнул я. — Я буду учиться самым прилежным образом, построю звездолет, сяду в него и достигну кометы; вот увидишь: так будет! — решительно ответил я отцу.

И я залез на любимую мушмулу, которая за семь лет сильно разрослась и стала еще более густой, таинственной и непроницаемой даже во время дождя. К этому времени я усовершенствовал мое гнездышко. Теперь здесь можно было не только удобно сидеть, как в кресле, но и полулежать и даже, удобно расположившись, спать. Я размышлял, как будто во сне. Мне казалось, что я создал корабль-звездолет — судно, оборудованное особым устройством, синхронно связанным с солнцем, отчего в баки звездолета непрерывно перетекает солнечная плазма. Так каждый звездолет мог

¹⁸Комета Галлея — яркая короткопериодическая комета, возвращающаяся к Солнцу каждые 75–76 лет. Это единственная комета, хорошо видимая невооруженным глазом. Отцу удалось видеть ее дважды: в детстве и в 1986 г., чем он очень гордился.

обладать неограниченным запасом топлива, используя энергию которого, я мог совершать технические действия любых объемов и путешествовать в масштабе вселенной.

Раз есть звездолет со сверхзвуковой скоростью перемещения, отчего бы не сосредоточить все мое внимание на комете Галлея в 1986 году? Но до этого года далеко, и пока можно совершить большие путешествия и необыкновенные дела: заселить Марс, изучить Юпитер, Сатурн, нанести визит далеким звездам и созвездиям. На Марсе наверняка имеются все необходимые минералы и вещества, а на полюсах — массы льда для организации там живой природы и жизни человека. Необходима лишь земная атмосфера. Все это предусмотрено в звездолете, в котором могут неограниченное время жить шесть человек команды: они не будут ощущать отсутствия гравитационного тяготения, потому что оно будет создаваться искусственно, энергией магмы, непрерывно поступающей с Солнца. Таким образом, в звездолете действует нормальное земное тяготение, что делает пребывание человека в путешествии привычным и комфортабельным. Звездолет назван именно так потому, что скорость его в 1000 раз превышает скорость света. Он движется, не перемещаясь непрерывно, а перескакивая с пункта на пункт пространства за счет пульсационной синхронизации подобию между двумя точками отскока и прискока.

На этом принципе мною в воображении было построено 15 кораблей. На одном предполагалось вернуться обратно на Землю, остальные должны были быть распределены по всей поверхности Марса в качестве земных баз, на которых команды с Земли должны были осуществить акклиматизацию Марса. Каждый звездолет может перемещаться и действовать с помощью человека, непосредственно управляющего кораблем, или автоматически, по сигналам, передаваемым с другого корабля или с Земли. На корабле имеются машинный и пультовый залы, емкости для приема

и немедленной переработки магмы в электроэнергию, зал для отдыха и приема пищи, зал связи с Землей и другими планетами, зимний овощной сад — производитель живых овощей — и другие складские и запасные помещения. Все операции выращивания овощей автоматизированы.

Так представлял я себе мое будущее путешествие. А грезы уносили меня все дальше и дальше. Мне грезилось, что я окончил институт и стал ученым в сфере авиации. Света, моя спутница по звездолету, — выпускница Московского университета по кафедре строительной физики. Мы готовимся к старту. Это первый рейс звездолета, практически его испытание. Цель — Марс и его освоение.

— А тебе не страшно лететь именно со мной? — спросила Света и застенчиво улыбнулась. — Ведь я практически ничего не знаю об управлении звездолетом.

86

— Это я должен спросить тебя: разве тебе не страшно лететь со мной? Но я уверяю, что полет совершенно безопасен, ведь наша машина — полный робот: автоматизировано не только выполнение всех действий, но и контроль за действиями, исправление неполадок и включение в основное действие, причем происходит эта корректировка в считанные секунды. Важно только, чтобы мы сами были тверды в своих желаниях и давали хорошо продуманные команды. Поэтому я не боюсь ни за себя, ни за тебя.

— Когда же мы полетим? — спросила Света и улыбнулась. — Конечно, я готова и очень хочу попасть на Марс. А скоро мы будем там?

— Скорость перескока может быть выбрана любой, однако на первое время я настроил звездолет на малую скорость, и потому мы будем в пути целых 13 минут. Все время на экранах ты будешь видеть уменьшающуюся Землю и быстро приближающийся Марс, пока он не заполнит весь экран. Тогда придется переключиться на другой фокус видения.

Беседуя так, мы не заметили, как пролетел заявленный срок. И вот мы в корабле, с минуты на минуту будет нажата кнопка старта. Я доверил это нажатие Свете. Было жутко и тихо кругом. На огромном пульте тысячи кнопок с надписями: Марс, Венера, Юпитер, Сатурн, Гончие Псы, Центавр, Весы, Андромеда и еще другие и другие звезды. Какую кнопку нажать? Рука так и тянется к звездам. Какой соблазн! Света нажала кнопку.

Не было никакого толчка или хотя бы звука удара. Только в иллюминаторе Земля превратилась в светящийся диск... Вскоре мы были от нее уже очень далеко. Я закрыл иллюминатор и включил экран видимости. Взглянул на Свету — на ней не было лица. Посмотрел в зеркало на себя: лицо бледное, но спокойное. Неужели это страх перед неизвестным? Смотрю на экран: так это же Марс, так быстро увеличивающийся!

— Витя, через минуту мы врежемся в Марс? Мне страшно! Я не хочу умирать!

— Вот ты и раскисла, совсем как маленькая. Успокойся, сейчас звездолет прибует на место.

И действительно, наступила полная тишина. В иллюминаторе застыло изображение горы. Мы как бы повисли в воздухе. В такой же неподвижности застыли 14 кораблей, двигавшихся за нами следом. Надо было действовать, действовать решительно и быстро, но решимость мне изменила.

Сколько раз я репетировал на земле свои действия, ведь все было ясно до боли. Света тихо всхлипывала и смотрела на меня с надеждой и отчаянием. Она не предполагала, что я слабый и безвольный, что растеряюсь в самую важную минуту. И я очнулся от оцепенения, в уме все стало ясно и спокойно. Нажал кнопки, одну за другой: «отцеп», «отлет», «съемка рельефа», «съемка подпочвы», «запись температуры», «замер давления». Аппарат начал облетать планету.

Зашел с северного полюса, спустился вниз, приблизился к южному полюсу. Часы на пульте показывали, что облет вокруг планеты занимал сначала 5, затем 6, 7, 8... 14 минут. Затем время начало обратный отсчет.

— Света, следи за показаниями записей на шарах. Аналогичная запись ведется на дублерах в Москве: туда информация передается по телетайпу автоматически. Смотри, шар, на котором записывается уровень воды под землей, показывает, что она примерно на глубине 800 метров. Это здорово! Значит, мы не будем здесь без воды, да еще теплой: 22°C. Теперь ты не боишься? Сможешь замерить показания шаров, на которых записывается содержание азота в почве? А как с топографией? Тут высокие горы: например, вулкан Олимп — 25 км высотой! Взгляни, его вершина вся в снегу!

Света смотрела на меня.

— Что мне теперь делать?

— Открой папку с картами размещения кораблей звездолетов, которые мы оставим на Марсе, как базисные пункты Земли. Но сперва пройдем в огородное помещение и нарвем помидоров и огурцов. Надо нам подумать о завтраке. У нас остались чудо-консервы — мясная и куриная тушенка.

Я взял Свету за руку, и мы пошли в огородную. Боже мой, какой прекрасный вид представился нам здесь! Просторная теплица была освещена солнцем, но жарко не было: температура градусов 20, не более. В теплице было 12 грядок: красные сочные помидоры висели гроздьями на поддерживающих жердях, зеленые нежинские корнишоны висели отдельными веточками, а далее — клубника, малина, виноград, персики на маленьких деревцах, огромные синие сливы... глаза разбегались и потекли слюнки. Мы взяли со стола корзиночку, наполнили ее помидорами, корнишонами, клубникой и пошли в столовую.

Я забежал в аппаратную и убедился, что аппараты съемки работают как часы. Записи перевалили экватор, на это ушло уже 5 часов. На душе было весело и спокойно. Света тоже повеселела. Улыбка на ее лице была как сияние солнца: так прекрасна, что я не удержался и расцеловал ее. Она нежно прижалась ко мне.

Мы отпраздновали прибытие на Марс хорошим ужином, стаканом грузинского вина «Хванчкара» и клубникой с сахаром и сметаной. Запаса продовольствия должно было хватить примерно на год. Часы показывали 8 часов вечера, то есть мы были на Марсе уже 11 часов. Запись на шарах закончилась, и звездолет стоял как вкопанный. С любопытством смотрели мы на сделанные записи. Рельеф Марса — беспокойный: много массивов гор, между которыми раскинулись глубокие впадины, след бывших морей. Как только нами будет восстановлена утраченная атмосфера Марса, они вновь заполнятся водой.

— Света, нам предстоит создать в 3 раза более толстый слой воздуха на планете, чтобы давление его на поверхности Марса равнялось бы земному, то есть 1 атмосфере. По предварительным расчетам, на это потребуется 5 лет. Ведь это совсем недолго. Правда? Давай план расстановки кораблей на Марсе, который мы наметили.

— Здесь мы оставим 10 кораблей, это будут автоматические базы Земли. Заснятый рельеф поверхности Марса почти совпал с рельефом, сфотографированным с Земли, и мы его утверждаем.

— Витенька, а разве в звездолете все время будет светло? — спросила Света.

— Нет, скоро тень Марса падет на нас, и станет темно, как на Земле ночью. Но мы имеем в изобилии солнечный свет, который сможем подать, куда захотим, когда будет совсем темно.

Теперь принимаюсь за работу. На каждом щите рукоятки указаны команды другим звездолетам от первого до десятого корабля. Я нажимаю рукоятку с номером 1, и мы видим, как звездолет № 1 медленно движется в назначенную точку, опускается на поверхность Марса и слегка в нее врежется. Теперь предстоят самые опасные и трудные минуты для нас, звездолетчиков: мы должны выйти из корабля на поверхность Марса, пройти по ней и войти в первый звездолет, чтобы наладить его работу.

— Нам предстоит, — сказал я, — произвести бурение скважины на глубину 800–900 метров, то есть до воды, запустить магмовые двигатели для приготовления из забираемого грунта планеты воздуха (по содержанию он точно соответствует составу воздуха земли). Надо будет сделать выверку всех многочисленных аппаратов, обеспечивающих тяготение земного уровня, снабжение теплицы регулярным теплом, водой и побудительным облучением роста и созревания плодов; проконтролировать действия корабля в случае срыва работы автоматики, работы механизмов.

Мы надели на себя космические холодонепроницаемые костюмы, проверили их герметичность, накинули на спину баллоны с запасом воздуха и вышли в выходной шлюз, заперли внутренние двери и спокойно открыли наружную дверь. Сразу стало как-то очень легко. Я сделал шаг и... пролетел шагов 10–15. Сработала марсианская, неземная гравитация.

— Света, будь осторожна! — крикнул я ей.

Но она не услышала меня. Я стал делать ей знаки, но их она также не поняла. Тогда я осторожными шагами приблизился к ней, взял за руку, и вместе мы начали осваивать технику хождения по Марсу. Под ногами был очень холодный песок, в котором ноги утопали глубоко-глубоко. Мы не предполагали, что на Марсе так трудно ходить. Корабль № 1, который стоял перед нами, был безмолвен. С помощью

стабилизаторов он был установлен строго вертикально. Манипулируя дверными кнопками и шлюзными дверьми, мы вошли в звездолет и сразу почувствовали себя, как на Земле. Там мы самым тщательным образом проверили все механизмы управления. Все было, как при отлете. Механизмы работали предельно точно. Мы включили буровращательную установку и обсадную трубу. Машина заработала, и труба пошла вниз... Не прошло и 30 секунд, как механический робот произвел насадку следующей трубы, затем еще одной. За 8 часов нашего пребывания в звездолете было пройдено 700 метров скважины: показалась вода, чистая-пречистая, а около звездолета образовался терриконник¹⁹ из марсианской породы. Не нужно было делать проверки: были пройдены сначала известняки и известковые туфы, затем гнейсы²⁰ и наконец, граниты. Вода залежала сразу под толщей гранита и имела температуру 26 °С. Она была приятно минерализованной. Сразу наполнились водяные баки звездолета, после чего приток воды приостановился. Беспokoиться было не о чем: овощные плантации теперь в установленные часы будут увлажняться, обеспечивая созревание овощей и фруктов, а механические руки регулярно будут собирать и консервировать плоды в рефрижераторах корабля. Звездолет превратился в марсианскую базу Земли на веки вечные.

Было уже поздно, хотелось есть и спать. Мы решили переночевать здесь, в корабле № 1, а вернуться на свой звездолет на следующий день утром.

— Витюша, — обратилась ко мне Света, — почему мы слышали друг друга так плохо вне корабля? Что это? У нас уши заложило из-за пониженного тяготения на Марсе?

— Нет, родная, — ответил я. — Тут дело не в нас самих,

---

¹⁹Террикон — отвал, искусственная насыпь из пустых пород, извлечённых при подземной разработке месторождений угля.

²⁰Гнейс — метаморфическая горная порода, главными минералами которой являются плагиоклаз, кварц и калиевый полевой шпат.

а в отсутствии на Марсе атмосферы. Ведь звуки передаются колебаниями частиц воздуха, а на Марсе атмосфера очень разреженная: здесь почти нет воздуха. Вот и результат: мы не слышим друг друга. Однако за работу! Ведь мы не включили главную действующую систему звездолета — переработку воды из кислорода и водорода в воздух земного содержания. Это очень энергоемкая работа, и ее будет выполнять магма солнца. Вода будет расщеплена на кислород (О) и водород (Н), затем из водорода будет образована окись азота (СО), другие газы, содержащиеся в воздухе Земли. Через 5 лет каждый звездолет выработает и автоматически выбросит наружу 1/10 часть назначенного нами объема воздуха для Марса, а все 10 кораблей выбросят весь необходимый объем воздуха для Марса, который превратится в младшего брата Земли.

92

Звездолет №1 был установлен у подножия вулкана Олимп с прекрасным видом во все стороны.

— Подумай, Светочка, — воскликнул я, — у подножия горы, где залегает дно бывшего, а теперь и будущего моря, будет простираться бескрайняя голубая гладь моря, которое мы назовем «Очарование»! Воздух будет земной, и температура воздуха будет не ниже +15°C. Сейчас же здесь мороз не менее -70°C.

План размещения остальных баз был составлен так, чтобы, во-первых, местность была всегда выше уровня будущих марсианских морей, а во-вторых, так, чтобы база была расположена в красивом месте. Например, звездолет № 4 расположится над Корплатовым разломом, имеющим длину 4000 километров, глубину 6 километров и ширину не менее 120 километров. Разлом в будущем также заполнится чистой водой. Звездолет № 5 будет размещен на плоскогорье, с которого в любое время года хорошо видны обе марсианские луны Марса — «Страх» и «Ужас»²¹. Первый — размером

²¹Имеются в виду спутники Марса Фобос и Деймос.

21 на 27 км — расположен на высоте 9400 км, второй — 12 на 17 км на высоте 29500 км. Кажется, что эти огромные осколки камней вот-вот упадут и раздавят и базу, и людей в ней.

При назначении мест расположения звездолетов считалось недопустимым помещать их в районах залегания желтых песков с лежащими там и сям глыбами каменных осколков иногда гигантского размера.

— Говорят, что на Марсе, — продолжал я, — свирепствуют страшные ураганы, когда песок поднимается порывами ветра на огромную высоту. В течение долгих дней или даже месяцев воздух наполнен песком, становится темно и совсем небезопасно для проживания в этой желтой непроницаемой мгле.

На следующий день мы вернулись на корабль и перебазировались на место установки звездолета № 10. Он уже был выставлен в назначенном ему месте. Мы поработали на нем целый день, переночевали там же, чтобы убедиться в надежности работы его механизмов.

Так мы проработали 9 дней, не встретив никаких трудностей или неполадок. Однако когда мы перебрались к месту стоянки звездолета № 9, вместо корабля нашли только кучку пепла и ничего больше... Я не рискнул сам и не позволил Свете покинуть наш звездолет, а сам отвел его на приличную дистанцию и стал изучать с помощью синхронизационного устройства остатки звездолета № 9.

— Что же могло произойти? — воскликнул я. — По-видимому, механизмы, создающие вокруг магмы защитное магнитное поле, не сработали, и магма с температурой в 40 000 000 °С мгновенно сожгла звездолет. Значит, защита и контроль за защитой не сработали. Этак мы с тобой можем сгореть, даже не почувствовав, что горим! Нечего сказать, в опасную игру я тебя вовлек!

Я сел за стол и начал производить расчеты контроля

и безопасности снова и снова. Все было правильно, однако звездолет сгорел. Но почему? Почему? Света, как могла, успокаивала меня. В этот момент, перед возможной ежеминутной трагедией, она оказалась гораздо спокойнее и сильнее меня.

Надо было отдыхать. Ведь завтра мы стартуем с Марса на Юпитер.

— Спать, спать, спать, Светочка, — воскликнул я. — Я приму снотворное, и ты тоже. Мы проспим всю ночь до утра и успокоимся. Чего-то мы не знаем, что-то неизвестное сильнее нас? Не будем огорчаться. Больше силы и бодрости! Ведь мы преодолели космос, мы его покорили!

Я прямо кипел от возбуждения. Света расхохоталась и воскликнула:

— Я не знала, что ты такой хвастунишка, весь прямо надулся!

Как ни тревожно было произошедшее, программу путешествия я решил не менять. Впереди Юпитер, Сатурн и возвращение на Землю. Надо было скорее посылать людей на заложенные базы на Марсе, а возможно, и на базы других планет. Перескок к Юпитеру занял 45 минут. Я боялся развивать большую скорость, помня происшествие на Марсе.

Планета Юпитер была для меня загадкой. Плотность грунта планеты — $1,33 \text{ т/м}^3$, то есть в 3 раза меньше, чем тело планеты Земля. Было совершенно не ясно, тверда ли почва этой гигантской планеты, по объему в 1310 раз превышающей Землю. Ведь загадочное красное пятно на планете, большей частью закрытое плотными облаками, все время меняет место своего расположения, как будто плавает или кочует с места на место.

— Света, — сказал я, — наверное, будет правильней сразу не садиться на поверхность планеты, а выбрать для посадки одну из лун Юпитера — Амальтею, или Ио, или Европу,

или Ганимеда, или Калисто. Все они состоят из твердых каменных пород с плотностью 2–3 т/м³. Давай сядем на луну Ио, находящуюся на расстоянии 422 000 км от поверхности планеты. Ио будет нашей промежуточной временной базой. Ты не возражаешь?

— Поступай, как знаешь, — ответила покорно Света. — Конечно, в наших обстоятельствах осторожность, безусловно, полезна. Все больше убеждаюсь, что мы предприняли очень опасное путешествие. Тут просто не знаешь, чем все это кончится. Однако выбора у нас нет...

В этот момент звездолет опускался на поверхность спутника Юпитера Ио, поверхность которого усеяна многими вулканами. И один из них в момент нашего приземления извергался. Лава выливалась из кратера и спускалась с горы тремя потоками с ярким огненным дыханием. Зрелище было поистине великолепное, но вместе с тем и жуткое.

— Может быть, — сказала Света, — лучше нам убраться отсюда подобра-поздорову. Ведь это не очень здорово — соседствовать с действующим вулканом. А что если извержение начнется и там, где мы сядем?

Я видел, что она дрожит какой-то нервной дрожью. Мне стало стыдно, что я втянул ее в столь опасное путешествие. Надо было подбодрить ее, отвлечь от мыслей о вулкане. По-видимому, она достигла предела выдержки.

— Смотри, смотри, Светочка, — воскликнул я, — а ведь у Юпитера имеется кольцо, как у Сатурна. Это что-то новое и пока еще на Земле неизвестное. Видишь, уже в первый свой вылет мы становимся открывателями! Давай попробуем измерить кольца? Это сенсация, Светочка! Право, сенсация!

К этому времени аппаратура звездолета уже автоматически вела запланированное фотографирование. В разрыве между облаками была видна меняющаяся поверхность планеты: мощная толща льда из окиси углерода с многочислен-

ными трещинами. В атмосфере почти полностью отсутствует кислород, есть только углекислота, аммиак и немного водорода. Становилось ясно, что базу можно строить только на спутнике Юпитера, а не на самой планете. Такое решение и было принято. Два из оставшихся звездолетов тоже были спущены на Ио.

Через какое-то время извержение вулкана усилилось, и мы начали готовиться к перелету на планету Сатурн.

Сатурн по своим характеристикам мало отличается от Юпитера. По объему он в 750 раз большей Земли, а по массе в 95 раз превосходит Землю. Естественно, его масса еще меньше массы Юпитера и составляет $0,7 \text{ т/м}^3$, атмосфера много протяженнее. Плотное ядро глубоко запрятано в теле планеты.

Пробиться сквозь атмосферу планеты нам не удалось. Каждая попытка перескока к поверхности планеты кончалась неудачей и сопровождалась катастрофическим сбросом магмовой энергии Солнца. Что-то произошло с механизмами звездолета. Куда только девалась его спокойная работа? При каждой попытке перескока он весь содрогался. Перестал действовать и обратный перескок. Мы находились в плену достаточно плотных колец Сатурна. Я уже не смотрел на Свету. Она сидела в углу столовой и тихо плакала. Старалась делать это беззвучно, но ничего не получалось. Не выдержав, она встала, бросилась ко мне, обняла и воскликнула:

— Все пропало, это конец! Сейчас или вскоре мы погибнем! Но я не сержусь на тебя, ты навсегда мой, и мне не страшно умереть вместе! Обними меня! Брось суетиться! Ведь кругом автоматика. Если она сдала, это значит конец! Вспомни звездолет № 9: он сгорел. От него осталась кучка пепла. То же будет и с нами. Поцелуй меня крепко-крепко...

— Нет, Света, — стараясь быть спокойным, воскликнул я. — Человек должен бороться до самого конца, или он не

человек. Взорваться и сгореть мы не можем, потому что магма почему-то не поступает совсем. Энергии у нас очень мало, она осталась только в аккумуляторах, обеспечивающих освещение и тепло. Надо подумать, как заставить магму начать вновь поступать в звездолет. Надо подумать.

Внезапно звездолет начал быстро вращаться, искусственная гравитация прекратилась, и образовалась невесомость. Все поплыло — и мы со Светой тоже поплыли, крепко держась друг за друга...

* * *

Я вскрикнул и проснулся. Весь в поту, я крепко ухватился за ветку мушмулы. Я вновь превратился в мальчика девяти лет, сидящего на дереве в нашем саду. Интересно и страшно! Быстро слез с дерева и побежал в малинник, где, как я думал, была Света из моего сна. Но ее там не было — и некому было рассказать свой страшный сон. Я побежал домой, но и там никого не было. Тогда я бросился на кровать и постарался восстановить все по порядку. Однако мысли путались.

Было девять часов вечера. Уже со вчерашнего дня можно было наблюдать комету Галлея. Все ее видели, а меня не разбудили, поэтому я поспорил с мамой, папой и Верой. Люля тоже рано вчера легла спать и ничего не видела. Она мне сказала:

— Идем пить чай, а потом во двор, будем смотреть комету Галлея. Говорят, она прекрасная, с длинным-предлинным хвостом. Ядро и голова кометы — глыба льда, заполненная камнями. Вчера у нас все любовались этим замечательным явлением природы.

— А я был на Марсе, — тихо сказал я Люле, — и чуть не погиб в этом путешествии.

Люля посмотрела на меня задумчиво и, конечно, не поверила.

98   Время было позднее, и мы, держась за руки, побежали во двор. Здесь собрались все жильцы дома, обсуждая прекрасное видение. Комета Галлея висела прямо над головой, такая яркая и невероятно хвостатая. Хвост кометы был длинный-предлинный, длиной как от нас до Луны. Это было чудо. Я стоял, задрал голову вверх, любуясь кометой, и думал о том, как, став ученым, построю звездолет еще лучше, чем во сне, и буду летать в космос во славу нашей родины. А может, я и не стану космонавтом, летчиком или знатоком неба и его небесных тел... Может, стану известным строителем, как заявил когда-то дедушка, который видел, как суетился я на строительстве нового дома, возводимого на нашей территории.

— Он будет строителем выдающихся сооружений, — отметил тогда прораб.

А дедушка вторил ему:

— Этот мальчик — необычайный изобретатель. Во время строительства дома он сделал ряд предложений, которые

мы охотно осуществили, указав на сберегающие материалы и, главное, ускоряющие ход строительства.

Прораб добавил:

— Он у вас талантливый, добьется многого, если деньги не испортят его. Ему надо учиться, учиться и учиться. Я слышал, как он играет на рояле. Хорошо играет, но лучше, если он станет великим строителем.

На это дедушка ответил:

— Мы сделаем все, чтобы он учился. А музыка ему не мешает, только даст больше вдохновения.

Глава 3. Жизнь за границей

После смерти жены дедушка стал очень раздражительным и беспокойным. Старался оставаться один, и даже я, которого он особенно любил и всячески выделял среди других, не мог вывести его из задумчивости.

На мои вопросы, почему он стал таким рассеянным и неотзывчивым, он неизменно отвечал:

— Поживешь с мое, тогда поймешь, что такое стать одиноким. Герта покинула меня и никогда уже не вернется. Как же жить без нее?

Мне все это было непонятно: со дня смерти бабушки прошло уже более двух лет, и никто ее больше не вспоминал.

Вечером за чаем мама объявила, что скоро мы уедем путешествовать за границу. Для меня такое путешествие рисовалось в самых радужных тонах. Я зачитывался приключенческой литературой: Фенимором Купером, Майн Ридом, Брет Гартом. Было удивительно, как это мне разрешалось! Ни папа, ни мама ни разу не сказали, что такое чтение мне не на пользу, что приключения затуманивают голову.

— Куда же Вы, мадам, собираетесь ехать? — спросила Люля взволнованным голосом. — Погода еще не установилась, и для путешествия это рискованно! Да и Верочка еще учится!

— Не я, — ответила мама, — а все вчетвером: я, Вера, Витя и, конечно, ты с нами. Одна я за границей со всеми не справлюсь. Василий Иванович нас проводит и устроит как можно лучше. Поедем тотчас, как Верочка уйдет на летние каникулы. Дедушка рекомендует устроиться в Вене, столице Австро-Венгерской империи. Там у него есть друзья, которые охотно подготовят нам приезд и посоветуют, где лучше провести лето. Я пыталась отсрочить путешествие хотя бы на один год, но дедушка заявил, что эта поездка позволит ему остаться одному и посвятить весь свой досуг аптеке.

Василий Иванович, наш папа, наоборот, обрадовался, что мы поедем за границу и повидаем свет. Люля, как только услышала, что и ее берут за границу, вся посветлела, заулыбалась и нежно притянула меня к себе.

— Ты доволен, — воскликнула она, — что скоро отправишься в далекое путешествие? Мы будем с тобой внимательными, будем все запоминать и записывать. Ты должен завести дневник, куда будешь записывать все интересное и значительное. Я ужасно рада, что еду с вами! Мадам так добра ко мне.

— Я тоже очень рад, — воскликнул я, — а ехать с тобой, Люля, мне будет особенно приятно.

Время промелькнуло незаметно. Скоро дедушка получил от своих друзей письмо, в котором они писали, что уже договорились предварительно с хозяйкой большой квартиры в новом доме в новом районе города на Ней Бан Гюртель (новое железнодорожное кольцо²²), в районе Городской улицы (Бург Штрассе), прямоком ведущей в центр города, где

²²Кольцевая дорога в пределах Вены. Была создана в 1890-х гг. на месте бывших фортификационных сооружений, составлявших первую линию обороны города.

расположены два главных дворца²³. Что же касается летнего отдыха, писали друзья, то курортов в Австрии много, устроиться везде легко, и лучше отложить выбор до личного осмотра.

И вот мы сидим в четырехместном купе скорого поезда Москва–Вена. Папа вместе с нами, и поскольку у нас четыре плацкартных места, я сплю с мамой. Езда в поезде для меня — чистое наслаждение. Целый день у окна, вместе с Люлей, которая, как малый ребенок, всему удивляется, радуется и восторгается.

В Ченстохове²⁴ под вагоны подкатят другие колеса, и поезд пойдет по более узкой колее. Такую смену делают только у экспресса. При езде в других поездах приходится пересаживаться в другой состав, что сопряжено со многими неудобствами.

Сейчас точно не помню, 3 или 4 дня мы были в дороге. Но вот объявили, что мы проехали Земмеринг²⁵ — прогулочное место под Веной — и нужно приготовиться к высадке из вагона. Мы оделись и сидели готовые к выходу, а поезд все шел. Или, возможно, нам только казалось, что время тянется так долго. Наконец гудок паровоза возвестил, что поезд приближается к главному вокзалу города.

Нас встречали незнакомые нам люди, любезные, но совершенно чужие. Пока получали багаж, мы сидели в буфете, закусывали и пили кофе, который подают здесь с венскими сбитыми сливками, очень вкусный.

---

²³По-видимому речь идет о расположенных на площади Марии Терезии музеях. Музей естествознания (Naturhistorisches Museum), открытый в 1889 году и построенный спустя два года напротив него архитектурный близнец — Музей истории искусств. Музей естествознания был построен для размещения в нём огромных коллекций природных экспонатов Габсбургов

²⁴Ченстохов — город в Польше. Город знаменит прежде всего чудотворной Ченстоховской иконой Божией Матери.

²⁵Земмеринг — старейший горнолыжный курорт Европы, который расположен в 1 ч. (100 км) езды от Вены.

Вскоре на двух фиакрах²⁶, с багажом на крышах, мы тронулись в путь. Красивая женщина в нарядном платье, одна из встречавших нас, занялась мной и начала описывать нам места и улицы, мимо которых мы проезжали.

— Это Рингштрассе²⁷ (кольцевая магистраль); она параллельна Ной Бан Гюртель²⁸, которая стала новым кольцом Вены. А вот мы проезжаем самый центр Вены. С двух сторон два дворца-музея, один — исторический, другой — этнографический, а между ними знаменитые Венские фонтаны. В большие праздничные дни вода бьет прямо в небо высоко-высоко, а ночью подсвечивается яркими цветными прожекторами.

— Я специально привезу тебя сюда, милый мальчик, и мы полюбуемся с тобой вдвоем, — говорила она по-французски очень чисто, и мне это понравилось. — Увидишь, это тебе будет интересно.

102

— Вы немка, — сказал я, — а говорите по-французски не хуже Люли, моей бонны и моего лучшего друга.

Тут в разговор вмешалась Люля, которая, как мне показалось, ревниво прислушивалась к рассказам молодой женщины.

— Вы прекрасно говорите по-французски, но этот мальчик знает французский не хуже нас. Вы это скоро узнаете сами. Я первый раз в Вене, но много слышала о ней хорошего. Мы с Витей полюбим этот знаменитый город, родину знаменитых музыкантов и художников во главе с великим

²⁶Фиакр — наёмный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы для перевозки пассажиров. Кареты, запряжённые парой лошадей, были типичной приметой австрийской столицы. Лошади обычно были нарядно украшены.

²⁷Рингштрассе — первое центральное кольцо Вены.

²⁸Дословно: Новое шоссе Гюртель. Третья кольцевая дорога вокруг Вены. Была построена в 1900 г.

Штраусом²⁹. Надеюсь, Вы покажете нам ваш знаменитый Пратер³⁰ — место увеселений обитателей Вены.

Мне стало ясно, что Люля еще в Кутаиси, до нашего отъезда, кое-что прочитала о Вене и о ее окрестностях и теперь красовалась своей осведомленностью. Я был рад, что она выступала как равная со всеми окружающими, и гордился ею.

Мы ехали по Бурггассе, мимо знаменитой кирхи³¹ и наконец въехали на широченную улицу, посредине которой глубоко в выемке пролежала трасса подземной железной дороги, кольцом опоясывающей весь город. Много раз мы с Люлей совершали путешествие по этой дороге (теперь включенной, наверное, в систему Венского метрополитена). Особенно мне нравился участок трассы, пролегающий вдоль реки Дунай: он проходил под землей, сквозь колонны, поддерживающие свод тоннеля; совсем под окном вагона — течение могучей реки и снующие верх и вниз по течению пароходы и моторные лодки (тоже на пару).

Мы с Люлей прямо влюбились в Дунай и решили, что когда я вырасту большой, то непременно проеду на пароходе по Дунаю из Одессы через Измаил, Бухарест, Белград, Будапешт, Братиславу — сюда, в Вену. Подумать только: река Дунай пересекает семь государств с различным строем и верой! По Дунаю можно также приехать и в Вюртенберг³². А это уже восьмое государство.

— Да, такое путешествие будет прямо чудом! — воскликнула Люля, и ее глаза блеснули восторгом, свойственным

²⁹Штраус Иоганн (1825—1899) — австрийский композитор, автор знаменитых вальсов.

³⁰Пратер — большой общественный парк и зона отдыха в Вене. Расположен в южной части Леопольдштадта между Дунаем и Донау-каналом, вытянут вдоль берега на 5 км. Название парка произошло от слова лат. *pratum*, что означает луг.

³¹Кирха на Бурггассе — это церковь св. Ульриха. Храм был построен в 1721 году на месте многократно разрушавшихся и восстанавливавшихся зданий церкви, существующей на этом месте с 1211 года.

³²Вюртенберг — историческое государство с 1806 по 1918 (территория Швабии), вошедшее в состав Германской империи в 1871 г.

только ей, молодой французской девушке.

— А меня вы не возьмете с собой? — вступил в разговор папа по-русски (французский язык он знал очень плохо).

* * *

Через несколько минут мы оказались у дома, где была снята квартира. Я сразу сообразил, что с балкона 4-го этажа нашей квартиры можно будет следить за проходящими поездами подземной железной дороги, что, конечно, небезынтересно. Наша квартира мне понравилась. Вера, моя сестра, весело и одобрительно улыбалась и жала мою руку в знак того, что мы думаем с ней одинаково.

Квартира оказалась по площади меньше нашей Кутаисской, всего 5 комнат, однако комнаты были светлые, большие. Люле и мне отвели одну комнату, папе и маме другую, Вере третью, остальные две были гостиной и столовой, — всё как в приличной семье. Папа должен был через 5 дней отправиться обратно в Кутаиси, но он пообещал вернуться к нам через два месяца, чтобы вместе с нами провести свой отпуск на каком-нибудь австрийском курорте.

Все устали, и гостеприимные друзья дедушки попрощались и ушли, оставив нас на попечение хозяйки квартиры, которая, увы, не знала ни русского, ни французского языков. И тут на первый план выдвинулся папа. Я даже представления не имел о том, что он умеет говорить по-немецки, и совсем неплохо. Раньше, дома, я никогда не слышал его говорящим по-немецки. Немножко немецкий знала и Вера, вместе с папой они и объяснились с хозяйкой квартиры. Хозяйка фрау Мильхен описала удобства сданной ею нам квартиры. Особенно роскошным был камин, облицованный цветным кафелем. Камин топился угольными брикетами, разожженными деревянными брусками. Хозяйка показала, как нужно управлять огнем, вдвигая и выдвигая заслонки, чтоб избежать угара.

Я впал в самое мрачное настроение. Я так всегда гордился своим превосходным французским... И вот теперь, приехав в Вену, то есть к немцам, я не мог ни с кем говорить. С завистью я смотрел на Веру, которая говорила по-немецки с пятого на десятое. Немецкий она изучала в заведении св. Нины только первый год и, конечно, язык еще по-настоящему не знала. Но я по лицу ее видел, что она все понимала и иногда вступала в разговор. Полное незнание немецкого приводило меня в отчаяние. Зачем было ехать в страну, где никто не говорит ни по-русски, ни по-французски?

— Мама, — заявил я, — ты должна нанять мне учительницу немецкого языка с таким расчетом, чтоб через месяц я мог свободно говорить по-немецки. Тебе, наверное, невдомек, что здесь, в Вене, я просто дикарь, невежда и вообще лишний человек! Как я найду себе товарища, если не смогу говорить с ним?

Слезы стояли у меня в глазах, и я готов был разрыдаться... Мама сразу пришла мне на помощь и сказала папе спросить у хозяйки, не знает ли она женщину, которая знает либо русский, либо французский язык и которая согласилась бы давать мне уроки немецкого языка?

— Я знаю такую женщину. В моем доме снимает комнату учительница французского языка, работающая в школе. По национальности она немка и окончила немецкий колледж по литературному отделению. Кроме работы в школе она обучает детей французскому на дому. Я сейчас же переговорю с ней, и она, по всей вероятности, согласится обучать этого славного мальчугана немецкому.

Конечно, я ничего не понял из того, что она говорила, но по лицу отца догадался, что кое-что налаживается. Папа же сказал мне:

— Видишь ли, в доме живет одна учительница, очень строгая и требовательная, которая, возможно, согласится

заниматься с тобой немецким языком. Но при одном условии: ты будешь внимательным и будешь стараться изо всех сил. Можешь ли ты дать такое слово?

— Ну конечно, от всей души и с радостью! — воскликнул я. — Я готов начать заниматься хоть сейчас, сию минуту, а Верочка мне в этом поможет. Поверьте, я буду лучшим учеником у мадам... мадам...

— Флоры, — подсказала хозяйка.

Уныния как не бывало! На душе было спокойно, радостно.

— А нельзя ли, — спросил отец, — сегодня же повидать госпожу Флору и договориться с ней об уроках?

— Никаких трудностей, — молвила хозяйка, — идемте, Флора живет на третьем этаже.

Конечно, я увязался идти с ними к учительнице. Меня одолевало любопытство, какая она. Меня к ней почему-то потянуло, ведь она знала хорошо французский! Это необыкновенная удача, а я повесил голову! Дурак и только! Дверь нам открыла девочка лет шести с широко распахнутыми глазами и короткими хвостиками за спиной. Я пока ничего не понимал в женской красоте, поэтому подруги, одноклассницы Веры, меня только раздражали, — наверное, потому, что они ломали ветки в нашем саду. Но эта девочка была совсем не такой и как-то по-особому притягивала к себе. Не дожидаясь, пока хозяйка что-либо скажет, я совершенно инстинктивно спросил девочку по-французски:

— Твоя мама дома?

Удивление отразилось на лице девочки. И она ответила также по-французски:

— Да, дома, входите.

И далее, обращаясь к хозяйке по-немецки, спросила:

— Что это за господа? Что мне сказать маме?

— Скажи, — по-немецки перебил ее отец, — что мы приехали в Вену из России, живем в этом доме этажом выше и что у нас к твоей маме большая просьба. Фамилия наша Михайловы, а это мой сын Виктор — что значит победа... — И он засмеялся.

Девочка оставила нас в передней и побежала во внутренние комнаты.

— Дорогая хозяйка, — сказал папа, — я целиком полагаюсь на Вас. Это удивительное совпадение, когда и ученик, и учительница, оба знают другой язык, и именно французский. Занятия будут очень плодотворными.

В переднюю вышла женщина среднего роста, блондинка, как и ее дочь, голубоглазая, в сером строгом шерстяном костюме, который подчеркивал стройную фигуру, и поздоровалась с нами. За ней сейчас же вышла и девочка. Хозяйка, по-видимому, подробно объяснила, кто мы, и рассказала о нашей просьбе.

Молодая женщина любезно пригласила нас войти в гостиную и сесть на диван.

Все решилось очень быстро. Учительнице импонировало то, что я, как уверяла ее хозяйка, знаю французский. Папа уверял, что я способный и, главное, буду настойчивым учеником, а часы занятий она может выбирать по своему усмотрению. Одним словом, договорились, что я буду приходить к ней три раза в неделю заниматься по 2 часа, — в первую очередь, разговорной речью и чтением, грамматикой попутно. Занятия, конечно, вечером. Обо всем этом говорили взрослые. Я же тем временем начал беседу с Гретхен, дочерью Флоры. Она так же, как и я, научилась французскому языку от матери очень рано и полюбила его за мелодичность.

— Мы с мамой часто поем французские песенки и так увлекаемся, что мама начинает плакать. Ведь мой папа был французским моряком и погиб от взрыва судна два года назад.

Мама плакала очень много и теперь тоже, когда речь идет о нем, плачет про себя. Она очень любила папу. Смотри, никогда не спрашивай её и не говори с ней о папе. Мне 6 лет. В следующем году я пойду в школу. Я умею немного читать, мама заставляет меня понемножку писать, главным образом, переписывать.

— Есть ли у тебя французские книги? Книги Фенимора Купера, Джека Лондона, Агаты Кристи³³, Марка Твена или какие-нибудь другие? Как ты читаешь по-французски? Покажи, какие книжки у тебя есть?

— Я читаю по-французски плохо, — призналась она, — книжки все папины. Их много, целый комплект сочинений. Пойдем, я тебе их покажу.

И мы прошли в кабинет ее отца, сейчас пустынный и печальный. В комнате было много шкафов с книгами. В одном из них стройными рядами стояли книги французских писателей. Рядом я увидел столь любимые мною «Хижину дяди Тома», «Гекельберри Финна». Не дожидаясь разрешения, я открыл шкаф, бережно вынул книгу о Гекельберри Финне, открыл самую интересную главу и стал читать вслух конец описываемого приключения. Гретхен смотрела на меня, слушала, как зачарованная, не сводя с меня красивых, казалось, немигающих глаз, вся в напряжении. Потом вдруг вскочила, бросилась в гостиную, подбежала к матери и что-то быстро стала шептать ей, как бы уговаривая подняться и идти в кабинет.

— Вы только послушайте, как Витенька читает по-французски. Вы только послушайте! Мама, никто из твоих учеников в школе так читать не может. Он же совсем маленький, а читает, как самый знаменитый артист на сцене.

Все встали и прошли в кабинет, я был весь красный, с книгой в руках и глазами, опущенными вниз.

— Ну, мой милый ученик, прочти что-нибудь еще или

---

³³Ошибка памяти. Агата Кристи начала публиковаться только в 20-х годах.

лучше расскажи то, что ты читал Гретхен... Не нужно смущаться, я уже поняла, что ты смелый и решительный мальчик, и слушать тебя приятно.

То, что она сказала и как сказала, понравилось мне, я встал, открыл книгу и начал читать. Все молча меня слушали. Гретхен смотрела на меня с таким видом, будто именно она меня открыла.

— Если его не остановить, то он будет читать свою любимую книгу весь вечер и до конца. Нам же надо отдохнуть от трудного и утомительного путешествия. Итак, мы договорились обо всем. Завтра Виктор придет к Вам на первый урок. Никто не может утверждать, что он освоит немецкий так же, как он освоил французский, в чем немалая заслуга его бонны Люли, которая тоже приехала с нами в Вену. До свидания, милая Флора. Вы разрешите так Вас называть? Витя, попрощайся и идем, — произнес отец.

Я сначала попрощался с мадам Флорой, а затем с Гретхен, у которой спросил:

— А не разрешит ли мне твоя мама в неурочные часы чтение французских книг? — И я вопросительно посмотрел на мадам Флору.

— Ну конечно, приходи. Гретхен очень замкнутая девочка. И у нее нет близких друзей, тем более говорящих по-французски. Она сама будет тренироваться в нем.

— Приходи, приходи обязательно! — Гретхен улыбнулась и сделала какой-то жест рукой, который, признаться, я не понял, однако ее улыбка меня порадовала.

Отец и я попрощались с хозяйкой и пошли к себе. Мама и сестра Вера укладывались спать. Мы с папой решили последовать их примеру. Отец только успел сказать:

— С учительницей договорились, а Виктор умудрился подружиться с ее прелестной дочкой, его почти однолеткой.

Первая ночь в Вене прошла спокойно. Засыпая, я слышал свистки паровозов подземки под нашими окнами. В сознании в последний раз представилась синеглазая Гретхен, и я погрузился в глубокий сон.

* * *

Все проснулись поздно. Надо было распаковываться. За это и принялись. Приятели дедушки прислали нам большой пакет продовольствия. Чего только не было в пакете! Но главное — знаменитые венские пирожки с мясом. Хозяйка со своей стороны тоже чем-то снабдила нас на первые дни пребывания в Вене, в том числе рожками из первоклассной муки.

Сытно позавтракав, я слонялся по квартире и, по-видимому, всем мешал. Раздался звонок, и я побежал открывать дверь. Передо мной стояла Гретхен в голубом платье и с такими же, как глаза, лентами в косичках.

— Здравствуй, — сказала она. — Мамы нет дома, она в школе, но разрешила пригласить тебя к нам развлечься книгами. Спроси папу, позволит ли он тебе побыть у нас пару часов?

— Заходи, — обрадовался я. — Сейчас спрошу разрешения. Папа, мама, вот Гретхен зовет меня к себе. Можно?

— Ну, конечно, можно, — обрадовалась мама. — Ты нам здесь только мешаешь. Топчешься под ногами... Того и гляди что-нибудь разобьешь. Милая Гретхен, забирай его к себе! Здесь он просто места себе не находит. Пусть будет на твоём попечении до обеда. Верочка зайдет за ним к этому часу.

И вот мы сидим с Гретхен в столовой, и она рассказывает о доме, где мы поселились, о его обитателях. Дом четырехэтажный, новый, построен два года тому назад. Его обитатели, с точки зрения Гретхен, люди неинтересные, служащие, занятые только собой. Во дворе небольшой палисадник,

засаженный цветами, но хозяйка нас, детей, туда не пускает, так что для игр остается совсем мало места. Да и детей, подходящих Гретхен по возрасту, всего четыре: одна девочка 7 лет и три мальчика 4–5 лет. Мальчишки распущенные, задиристые, с Гретхен играть не желают — мол, маленькая и глупенькая! Сама Гретхен тоже их сторонится, потому что они все время выбегают на улицу, что мадам Флора категорически запрещает.

Тут я рассказал Гретхен про наш сад в Кутаиси. Когда я описал его размеры и все достопримечательности, она не поверила и решила, что я просто привираю. Тут уж я вошел в раж и убедительно во всех деталях описал все мои заветные местечки сада. Я сказал:

— Ты должна приехать к нам в гости, я покажу тебе все тайные уголки на высоких яблонях и на мушмулиновых деревьях! Ты знаешь, что такое мушмула? Это что-то вроде желтой сливы, в которой две большие косточки занимают почти весь объем плода. Съедобного в мушмуле мало, но она очень сочная и вкусная. Вот приедешь к нам и сама убедишься в ее прелести!

— Ехать так далеко мы не можем. Это будет стоить очень дорого, а у нас нет таких больших денег. Вы, наверное, очень богатые и ездите по заграницам, да еще с гувернанткой.

Потом мы читали книги, смотрели картины. Гретхен показывала свои рисунки и заявила, что собирается быть художницей. Так мы и не заметили, как наступило время обеда, и за мной прибежала сестра.

Вечером состоялся урок немецкого языка. Еще утром Гретхен научила меня целому ряду немецких слов, теперь запас слов будет быстро расти. Одно было мне ясно, что французский и немецкий языки совершенно не похожи.

К чаю друзья дедушки принесли много новостей. Первое и самое главное касалось моей сестры Веры. Поскольку

уже ранее было принято решение переезжать в Вену, нужно было устроить ее в школу. Выбор пал на известный монастырский колледж св. Елизаветы, расположенный недалеко от нас на Бургштрассе. Это закрытое заведение весьма высокого ранга, куда было попасть не так просто. Однако нашлись связи, и на завтра папа должен был представиться директору этого колледжа, подать заявление со всеми необходимыми документами. Один я был огорчен, ведь поступление Верочки в колледж означало, что мы будем видеться с ней только по воскресеньям и праздникам.

Также обсуждался вопрос, на какой курорт ехать отдыхать летом. Ведь стоял май, начало летних отпусков.

Время пролетело незаметно. Скоро дедушка получил от своих друзей письмо, где они сообщали, что обо всем уже договорились предварительно. После длительных перечислений различных курортов остановились на австрийском Тироле (теперь это территория Италии), а именно на курорте Левико близ Тренте. Многие из друзей дедушки неоднократно там отдыхали и всячески хвалили это место. Прекрасная горная природа, кругом чистые, как слеза, озера³⁴, умеренный климат и даже есть какая-то минеральная вода. Кратковременный отпуск отца скоро заканчивался, а он сам хотел хорошо устроить семью.

Венская квартира оставалась за нами, а жаркое время с 10 июня по 10 августа намечалось провести в Левико. До отъезда оставалось 10 дней, и депеши были посланы в Левико и обратно в Вену. Была арендована дача на берегу Левиковского озера, и папа перевел необходимую сумму за аренду и подготовку дачи к нашему приезду.

Все эти вопросы меня как-то мало касались. Я был занят немецким языком, почти все время проводил с Гретхен и сестрой Верой, теперь под наблюдением Люли. В первую

---

³⁴ Действительно, вблизи курорта располагаются озера. Самое большое — Кальдонаццо (Lagodi Caldonazzo). Есть еще Левико, Серрайа и делле Пьяцце.

очередь мы посетили знаменитый на всю Европу народно-увеселительный парк Пратер — что-то вроде парка культуры им. Горького в Москве³⁵, но намного более обширный и разносторонне-увеселительно-механизированный. Осмотреть его за один день совершенно невозможно, поэтому многие подробности замечательных аттракционов парка будут описаны после второго его посещения осенью, когда мы вернемся из Левико.

Надо сказать, что мои занятия немецким языком шли успешно, поскольку я во время урока старался говорить по-немецки с Гретхен, а после с Верой и, конечно, папой. Теперь я понимал, что говорят другие, и кое-что мог сказать сам.

³⁵ Это сравнение не могло прийти в голову мальчику, т.к. в то время парка имени М. Горького не существовало.

Глава 4. Левико, Ветриоло и Ронченьо

Моя дружба с Гретхен росла и крепла. Мама тоже близко сошлась с Флорой. Я все время настаивал, чтобы дача в Левико была двухэтажной, с несколькими комнатами, чтобы мы, не стесняя себя, могли принимать гостей. Я попросил маму, чтоб она пригласила к нам в гости мадам Флору и Гретхен. Снятая для нас дача позволяла это сделать. На приглашение мадам Флора ответила согласием, но сообщила, что сможет выехать из Вены только 15 июня, что было даже удобно для нас, так как оставляло время для свободного заселения дачи, без участия посторонних.

Я был в восторге от такого решения и удвоил свои старания в овладении немецким языком. В этом мне много помогала Вера, которой самой необходимо было совершенствоваться в немецком, имея в виду предстоящую учебу в колледже.

В Тренто³⁶ у нас была пересадка на курортный поезд до Ронченьо³⁷. Дорога шла вверх вдоль реки (кажется, Адидже³⁸), пересекала почти 40 впадающих в нее речушек. Я удивлялся: надо же было построить такое множество мостов, и все различные на вид! Мне пришло в голову, что было бы проще их все сделать одинаковыми — это существенно облегчило бы работы. Мы едем вдоль Левиковского озера (их здесь два), и вот поезд останавливается. Кондуктор открывает все двери купе, и мы выходим на платформу. Меня оставляют одного около груды наших чемоданов, как будто я, пятилетний мальчик, способен их сберечь и защитить. Позже мне объяснили, что никто за вещи не беспокоится, краж здесь никогда не было и не бывает. Меня оставили при вещах, чтоб я сам

³⁶Тренто — город на севере Италии.

³⁷Ронченьо — город, расположенном в 22 км. от Левико Терме.

³⁸Адидже — река в Северной Италии.

как-нибудь не затерялся. Все очень смеялись над тем, что я посчитал себя охранником вещей.

Два открытых фиакра забрали нас с вещами и повезли вдоль озера. Я изучал местность. Озеро мне понравилось с первого взгляда. Со всех сторон оно было окружено поросшим лесом, горами, а вдоль него тянулись дачи, утопающие в зелени.

Снятая нами дача находилась на небольшом пригорке. От дачи прямо к берегу озера, где стояли две купальни, шла тополиная аллея: все принадлежало нашему участку. Сам участок был окружен красивым забором, обсажен липами и диким каштаном. Вдоль аллеи располагался небольшой садик с грядками овощей.

Мы въехали в ворота, которые открыл хозяин дома.

Дача мне сразу понравилась: хорошо обставленная, с большими окнами, завешенными гардинами. Внизу было четыре комнаты, наверху две, то есть места вполне достаточно для проживания хозяев и приема гостей. Я сразу определил, что мадам Флору и Гретхен лучше будет поместить внизу, слева от прихожей, в комнате, выходящей на балкон с прекрасным видом на озеро. Но, конечно, этот вопрос будут решать старшие. Что касается меня и Веры, то мы решительно выбрали две комнаты второго этажа. Это устраивало и родных.

— Видишь папа, — сказал я, — все устраивается само собой, все довольны, а это главное.

Потом я позвал Веру на озеро: я хотел все осмотреть, пока не стемнело. Взявшись за руки, мы двинулись вниз по тополиной аллее, изучая все, что встречалось по пути. До озера было шагов 120. Берег озера, что принадлежал хозяину, был огорожен забором, который уходил в озеро. Купален было две, к ним вели мостики с перилами и с отдельным входом в каждую раздевалку. В воду спускались деревянные

ступеньки с поручнями. Здесь же находились мостики, к которым цепью была привязана лодка.

— Смотри, Верочка, — воскликнул я, — какая красивая лодка на четырех гребцов! Интересно, входит ли в условия договора право пользоваться лодкой? Смотри, и у соседей есть лодка! Наверное, это все для дачников. Тебе нравится, Верочка?

— Конечно, нравится! — воскликнула сестра, — но ведь никто из нас — ни мама, ни Люля — не умеют грести или управлять лодкой с рулем. Может быть, папа умеет? Но ведь он на днях уезжает от нас. Я буду очень скучать без него. У тебя будет Люля, к тебе придет Гретхен! А я совсем одна, разве только мама будет со мной!

— Неправда! Ты не будешь одна. Ты будешь со мной. Я тебя очень люблю — наверное, так же, как и Люлю, а может, даже больше. Здесь мы должны больше плавать. Плаваем мы с тобой неплохо, а здесь научимся большему. А главное, научимся лучше нырять. Говорят, в этом озере много ракушек. Мы будем их собирать. Сегодня, конечно, поздно купаться. Да и нет у нас ничего плавательного. Давай завтра утром, перед завтраком, если нам позволят, выкупаемся — вместо умывания в ванной? Смотри, за нами с соседской купальни наблюдает какая-то девочка! Надо с ней познакомиться. Окликни ее, ведь ты неплохо говоришь по-немецки.

— Да. Девочка! — позвала Вера. — Как тебя зовут? Кто ты? Девочка ничего не ответила, повернулась и убежала.

— Ничего, — сказал я. — Завтра в озере мы с ней обязательно познакомимся. Не может же она не отвечать на воде, это не полагается!

Смеркалось. Надо было возвращаться на дачу, чтобы не волновать родных. Мы пошли назад и явились как раз вовремя. Папа уже собирался идти за нами. Он сказал:

— Вас нельзя никуда отпускать самостоятельно.

Вы забываете время.

— Папочка, дорогой мой, не сердись, — хором воскликнули мы. — Ты снял нам прекрасную дачу, мы будем здесь, как в раю! Как жаль, что ты скоро должен уезжать! Мы будем очень, очень по тебе скучать! Мы аккуратно будем тебе писать, делиться нашими радостями и горестями, которых, наверное, и не будет.

Мы бросились папе на шею, обнимая и целуя его. Этого он не любил.

— К чему такие нежности, я и так все понял, и мне доказательства любви не нужны.

Но мы видели, что в душе он радуется тому, что у него такие славные дети. Дорога так сильно утомила нас всех, что, едва выпив чаю, мы разошлись по своим комнатам, бросились в кровати и мгновенно уснули. Мне снилась Гретхен. Вот она уже здесь, и мы на озере, лежа на спине, плаваем по глади воды и рассказываем друг другу, как провели время в разлуке. Говорили по-французски, а ведь следовало говорить по-немецки. Я твердо решил научить ее говорить по-русски и подготовить, таким образом, к приезду к нам в гости в Кутаиси. Ведь там наш сад, какого в мире нет! Она полюбит наш сад и навсегда останется с нами.

* * *

Постепенно жизнь в Левико вошла в свою колею. Папа уехал. Мы провожали его на вокзал, и я плакал, обнимая и целуя его. Я наказал ему смотреть за нашим садом. Вчера вечером я поведал ему о всех моих тайных местах на деревьях, и он, смеясь, сказал, что будет с оружием в руках защищать их. Мама была тоже расстроена разлукой с отцом и просила его добиваться дополнительного отпуска без сохранения содержания, чтобы приехать осенью в Вену пожить с нами. Отец качал головой и уверял, что это очень трудно

сделать. Почему трудно, он не объяснил.

Итак, папа уехал, но сейчас же, чуть ли не на завтра, к нам в гости приехали мадам Флора и Гретхен. Они не уведомили нас заранее, каким поездом едут, и мы не знали о времени их приезда.

Только представьте: вдруг на пороге дома возникает строгая фигура девочки! Я не сразу узнал Гретхен в шляпе и мягкой накидке: выдали её глаза. Я вскочил, бросился к ней и крепко, по-детски, поцеловал в щечку. Она улыбнулась и тоже поцеловала меня в губы. Мы никогда раньше не целовали друг друга и даже не думали об этом. А вот поцеловались так крепко и просто!

За спиной Гретхен стояла мадам Флора с чемоданчиком в руке и улыбалась. Мама, которая сидела за столом, радостно встала, пошла навстречу и в свою очередь обнялась с Флорой:

— Как я рада, что вы приехали! Мы все время вас ждали, но не получали от вас никаких вестей. Начали думать, что нечто важное лишает вас возможности приехать к нам. Теперь вы наконец у нас. Все, что здесь есть, в вашем распоряжении. Люля, идите и расплатитесь с фиакром! Нет, мадам Флора, Вы в гостях у русских, русские не могут позволить гостям нести какие-либо расходы. Люля, поспешите к фиакру! Дорогая Флора, раздевайтесь, вот ваша комната. Ее выбрал для Гретхен Витенька. Он уверял, что для вас самое удобное: отдельный выход и балкон с восхитительным видом на озеро. А сейчас умывайтесь, раздевайтесь, и будем обедать. Вы, наверное, очень голодны. Сегодня у нас парадный обед по случаю воскресенья. Витя, проводи дорогих гостей в их комнату! Как переоденетесь и умоетесь, приходите на обед. Люля, ты расплатилась, да? Тогда помоги мадам Флоре в ее комнате и все собирайтесь через полчаса на обед.

Сердце стучало у меня в груди. Мой верный друг Гретхен здесь и с нами! Сразу в уме я перестроил план действий

на сегодняшний день. Он стал полнее и значительнее. Левико мы изучили достаточно подробно, теперь предстояло со всеми достопримечательностями познакомить гостей. Сначала покажем тополиную аллею, купальню и лодку. Лодка в нашем полном распоряжении, но без взрослых ездить на ней запрещается. Затем интересные места курорта: курзал, монастырь и причудливые пещеры, а также скалы по другую сторону озера. Семейным советом еще вчера было решено подняться к Ветриоло³⁹, где расположен санаторий и откуда открывается необычный вид на все четыре озера района.

Дача, ее территория и собственный берег озера гостям очень понравились, они рассыпались в похвалах.

— Это, наверное, стоит кучу денег, — воскликнула мадам Флора. — Все здесь первоклассное, даже лодка, смотрите, как красиво раскрашена. Папа вас всех очень любит, раз организует подобный отдых.

На это мама ничего не ответила. Она не хотела говорить, что все идет от дедушки.

Купаться втроем мне, Вере и Гретхен было особенно весело. Я все время нырял и вылавливал раковины с живыми в них улитками. Однако разжать их створки нам, детям, было трудно. Взрослые потребовали бросить их обратно в озеро. Я разобиделся: стоило ли за ними нырять? — надулся, но скоро обида прошла. Мы вновь поплыли. Мама категорически запретила нам плавать за буй. А буюк стоял тут же, против нас!

Вечером мы отправились в курзал есть мороженое, слушать оркестр и кататься на карусели. Мадам Флора говорила со мной по-немецки, желая удостовериться, что я кое-чему научился. Однако никто на это не обратил внимание. Дальше разговоры шли преимущественно по-французски.

³⁹ Ветриоло — посёлок, расположенный на высоте 150 метров. Часть горного поселения Виньоло-Фалезина.

— Знаешь, Гретхен, — сказал я. — С нами живет одна интересная девочка. Но она не хочет знаться с нами и на наши вопросы просто не отвечает... Гордячка какая-то!

— А может быть, она иностранка и нас просто не понимает? — предположила Гретхен. — Я это выясню.

И действительно, во время вечернего купания Гретхен смело поплыла за границу нашей купальни в соседний отсек и о чем-то разговорилась с гордячкой. Я не верил своим глазам! Они мило разговаривают, смеются, машут нам руками, как будто говорят: «Плывите сюда, сюда, скорее же, скорей!». Я подплыл к ним. И что же вы думаете? Они говорят по-французски! А мы кричали девочке по-немецки, думая, что она из немецкой семьи. Ничего подобного! Наши соседи — чистые итальянцы, неплохо говорят по-французски, но ни слова по-немецки.

— Как же мы не догадались-то сразу! — воскликнул я. — Ведь большинство жителей Левико — итальянцы, вернее, тирольцы.

Тренто в прошлом был итальянским городом, потом перешел к Австро-Венгрии (после мировой войны Тироль стал итальянской провинцией).

Девочку звали Джулией, ей было 8 лет (ровесница Веры). Она уже второй год учится в колледже в Вероне, где и родилась. Дача их собственная, и они ежегодно здесь отдыхают. Никто из нашей семьи не знал по-итальянски. Что же касается французского, то его я знал лучше всех. Поэтому Джулия беседовала преимущественно со мной и даже понемножку научила меня многим итальянским словам и выражениям.

Отец Джулии — богатый заводчик, владелец нескольких мануфактурных фабрик — периодически наезжал в Левико. Джулия жила в богатом доме с молодой матерью, очень красивой женщиной, и многочисленными слугами. Мать Джулии души не чаяла в дочери, баловала ее, как только могла.

Купаться они приходили вместе со служанкой, которая помогала им во всем. Соседская купальня была просторнее нашей, и мы чаще проводили время у соседей. Мама ничего не имела против этого и часто бывала там вместе с нами.

* * *

На воскресенье было назначено всем вместе ехать в Ветриоло. Было арендовано необходимое количество колясок. Дело в том, что коляска для поездки в Ветриоло имеет совершенно необычную форму. Это мягкое и удобное кресло с ручками и с оглоблями, вытянутыми назад. В эти оглобли впряжен ослик, который везет вас не вперед, а назад. Вы сидите спиной к движению коляски и смотрите перед собой. Возница идет пешком рядом и управляет осликом. Поскольку дорога петлями поднимается кверху, делая зигзаги, вы смотрите на панораму пройденного пути и любуетесь красотой пейзажа. Чем выше вы поднимаетесь над Левико, тем лучше видны озера. Сначала видно только одно озеро, затем открывается вид на второе, а при приближении к Ветриоло уже видны все озера. Я ехал в кресле вместе с Люлей, Вера — с Гретхен, Флора одна, наша мама тоже одна, Джулия вместе со своей матерью, которая заказала особо широкую коляску. По-видимому, коляски, как и кровати, бывают одно-, полутора- и двухместные.

— Люля, Люля, смотри туда вниз, вон наша дача! — воскликнул я.

— С такой высоты, — ответила Люля, — ничего нельзя рассмотреть. Тем более то, что утопает в гуще деревьев. Может быть, та зеленая полоска — наша тополевая аллея, а может быть, что-либо другое.

— Нет, Люля, я вижу прекрасно, — настаивал я. — Вот увидишь: когда все выйдут из своих колясок, они узнают нашу дачу!

Путешествие внезапно закончилось: наша коляска остановилась. От сидения ноги затекли, и так приятно было встать, вытянуться и свободно походить туда-сюда!

— Первое, что нам предстоит сделать, — заявила мама, которая взяла на себя хозяйствование прогулкой, — это осмотреть замок⁴⁰, поскольку часы его посещения строго ограничены. Люля, иди купи входные билеты, а мы пройдемся вдоль фасада. Половина замка отведена под санаторий, и туда нас не пустят. Музей же доступен всем желающим, вот туда мы и пойдем.

Мама замолчала, но по ее виду было видно, что она довольна ролью старшей. Я был очень горд ею. «Вы видите, какая культурная у меня мама, она все знает. Подождите, вы в этом сейчас убедитесь!» — говорил я про себя и улыбался.

Мама полностью оправдала роль старшей: она водила нас по замку, описывала мебель, картины, рассказывала, чьи они и кого или что изображают. Я весь надулся от гордости за свою маму. Все надписи на комнатах и на картинах были итальянские. Как же мама, которая почти совсем не знает итальянского языка, так легко и просто разбирается во всем?

Наконец, мама скомандовала:

— Теперь время пообедать! Для нас обед заказан в ресторане «Дружба» над оврагом. Смотрите, не торопитесь и не растеряйтесь по пути!

То ли мы сильно проголодались, то ли горный воздух был слишком чист, то ли было уже достаточно поздно, но обед показался мне чрезвычайно вкусным. Особенно понравились артишоки с сухарями в масле, молодые жареные цыплята и клубника по сметаной.

После обеда мы расположились на балюстраде перед

---

⁴⁰ Видимо, имеется в виду PalazzodelleTerme, помещения которого были распределены между санаторием и музеем.

замком и любовались панорамой, открывающейся далеко за Левико. Может быть, поселение, видимое вдаль, на горизонте — это Ронченьо⁴¹, веселый город-сад для людей всех возрастов? Нам предстоит побывать там в конце месяца.

— Люля, смотри, Гретхен прикорнула! — заметил я. — Пожалуй, и я поспал бы немного. А где же Джулия и ее мама? Я не вижу их! Люля, пойдем их поищем!

Я так разволновался, что сонливости как рукой сняло. А где моя мама? И ее я не вижу. Я вскочил на ноги и хотел бежать на поиски. Но Люля силой удержала меня и сказала:

— Не суетись и не паникуй! Мама знает, где мы, и скоро придет за нами. Наверное, она дает распоряжения, готовится к возвращению домой. Сиди и жди.

Сердце у меня сильно билось. В голове теснились страшные мысли: может, маму кто-то похитил? Может, заодно похитили и Джулию с ее матерью? Мы с Гретхен под защитой Люли, но ведь она сама нуждается в защите. Как это мы рискнули ехать так далеко без мужчин? Вернее, с одним мужчиной — со мной! Но какой же я мужчина? Мне становилось все страшнее и страшнее. Только бы не расплакаться!

Когда на мои глаза уже навернулись слезы, появилась мама, которая спокойно заявила:

— Дети, пора домой! Джулия с матерью уже тронулись в путь. Вставайте, возницы нас ждут. Мадам Флора, Гретхен, по местам.

Мы и не заметили, что уже стемнело. Солнце давно закатилось за горизонт. Спуск в кресле был менее приятен, чем подъем: прямо перед тобой гора. Чтобы видеть окрестности, надо смотреть вбок. То там, то сям вспыхивали огоньки освещения. Чем дальше, тем больше огоньков. Стало совсем темно, а огоньков — сотни, тысячи. Было очень красиво! Прибыли мы в Левико усталые и сразу, даже не выпив чаю, бросились в кровати.

⁴¹ Возможно, что они видели поселения Кампьялло или Новаледо.

* * *

Поездку в Ветриоло обсуждали на следующий день. Повторяли, как все было ярко и интересно. Все удивлялись, как хорошо мама знала все достопримечательности замка. Мадам Флора предположила, что мама была в Левико раньше. Мама только улыбалась. Через два дня эта загадка была мной разгадана. Роясь в комод, я наткнулся на путеводитель по Ветриоло. Так вот в чем дело: мама просто выучила путеводитель наизусть! Слава богу, память у нее была хорошая! Я никому ничего об этом не сказал: пусть это будет ее секрет.

Отдых наш в Левико продолжался в дружном соседстве с семьей Бенуцио. Распорядок дня был такой: подъем в 7 часов, купание, прогулки, обед в 2 часа. После купания ужин — чай в 6 часов, затем мы собирались всей компанией, большей частью у Джулии, где проводили время в дружеской беседе. В 9 часов расходились по своим комнатам и ложились спать.

Вечерние беседы были лучшим временем: Джулия пела — у нее был ангельский голосок с замечательным тембром. Ее отец был убежден, что она станет примадонной оперного театра Ла Скала в Милане. Всеобщее внимание привлекали и мои пересказы различных приключенческих историй, которые я черпал из прочитанных мной комиксов.

С помощью Люли я свел знакомство с букинистом, лавка которого была прямо через улицу, против нас. Хозяин лавочки, добрый старичок, очень расположился ко мне и давал мне различные книжечки, вроде комиксов, и всегда с интересом выслушивал мои детские комментарии. Мама не возражала против моих хождений к букинисту. Ей нравилось, что я, пятилетний мальчик, умею так занимательно и обстоятельно пересказывать прочтенное. Слушатели никогда меня не перебивали: рассказы были интересны всем.

Однажды господин Бенуцио приехал из Вероны на новеньком автомобиле, подумайте только, на автомобиле! Эти машины только начали появляться на дорогах, и увидеть их было трудно. Здесь же я мог не только детально осмотреть автомобиль: господин Бенуцио нас на нем покатал. В этот день я не купался, никуда не ходил, а торчал у машины, расспрашивая отца Джулии о действии автомобиля — и сразу до ясности ощутил, что механиком в будущем буду обязательно. Машины интересовали меня всегда, но к такому ясному решению я пришел впервые.

Конечно, автомобиль господина Бенуцио, с современной точки зрения, представлял собой скорее что-то вроде большого многоместного велосипеда: он заводился, трещал и, главное, довольно быстро бегал с четырьмя пассажирами. По-моему, сам Бенуцио был удивлен покупкой не менее всех нас. Три дня все мы были заняты только автомобилем и прогулками на нем. Я решил, что, когда вырасту большим, обязательно куплю себе такую машину!

125

* * *

Господин Бенуцио уехал, и все пошло по установившемуся порядку. Интересной была поездка на целый день во Ронченьо. Конечно, то, что мы приняли за Ронченьо, когда смотрели с Ветриоло, оказалось лишь промежуточным поселком между Левико и Ронченьо.

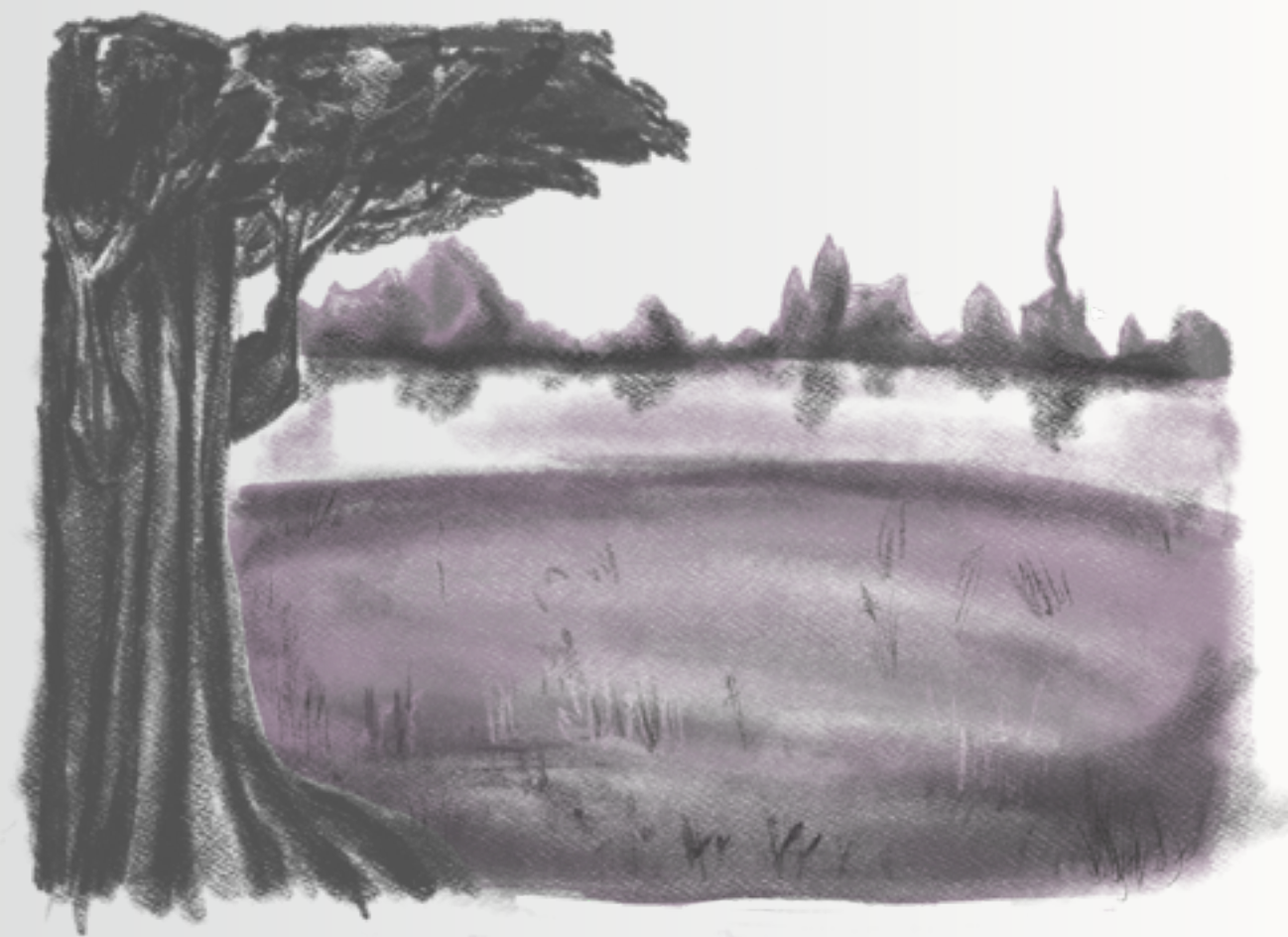
Большое впечатление на нас произвела картинная галерея дворца. Картины знаменитых мастеров были очень выразительными, но я не воспринимал их так, как Гретхен, которая стояла как вкопанная, и оттащить ее от понравившейся ей картины было просто невозможно.

Что касается увеселительной части парка Ронченьо — она была беднее Венского Пратера. Однако мы воспользовались некоторыми аттракционами с добродушной снисходительностью. Нет, конечно, это не Пратер!

Вернулись домой усталые, но довольные. Понравился сам парк, тенистый и солидный. Большинству деревьев в парке перевалило за 200 лет, я невольно сопоставлял их с деревьями нашего сада, когда ему станет 200 лет.

126

Контакты:

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

+7(915)36-88-739

E-mail: nate.lit@mail.ru

Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit

